

Павел Берснев

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ШАМАНСКОЙ МУДРОСТИ

ТАЙНЫЕ ЗНАНИЯ

Тайные знания (Рипол)

Павел Берснев

**Энциклопедия
шаманской мудрости**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 397
ББК 63.529

Берснев П. В.

Энциклопедия шаманской мудрости / П. В. Берснев — «РИПОЛ
Классик», 2017 — (Тайные знания (Рипол))

ISBN 978-5-521-00596-3

Шаманская культура в этой книге представлена через ее ключевые элементы — мифологию и методы работы с сознанием. Издание адресовано специалистам и всем, кто интересуется вопросами культуры.

УДК 397
ББК 63.529

ISBN 978-5-521-00596-3

© Берснев П. В., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Архаика шаманизма и «психоделическая революция»	14
Архаические константы	19
Мифы и ритуалы	27
Космос и хаос	31
Глава 2	40
Кто такой шаман?	40
Исторические аспекты шаманизма	48
Маги, шаманы и колдуны	54
Шаманские миры	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Павел Валерьевич Берснев

Энциклопедия шаманской мудрости

© Берснев П. В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Пальмира», АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

Павел Валерьевич Берснев, автор многих известных книг (выделю среди них «Курандерос», «Мозг – ловушка для души?» и «Лабиринты ума»), является одним из самых сведущих специалистов по современному шаманизму. В отличие от множества ученых, продолжающих кабинетные игры с «источниками», он исходил «шаманские тропы» в Перу, Эквадоре и Колумбии, Индии, Непале и Сибири. Те из читателей, кто впервые всерьез сталкивается с феноменом шаманизма, получают все необходимые вводные данные о нем: исторические свидетельства, основные религиозоведческие понятия (фетишизм, анимизм etc.), объяснение деятельности в человеческом сознании «импринтов» и формирования когнитивных особенностей нашей личности. Но наиболее ценным, на мой взгляд, является личный опыт общения с шаманами, зафиксированный в дневниках (письменных и звуковых) Павла Берснева, которые еще требуют своей окончательной расшифровки и публикации.

Нет ничего более важного для исследователя, чем собственный опыт общения с носителем традиции, а также личный опыт участия в ней. Читатель сможет увидеть, что шаманизм – это не некий фантастический тайный орден, а вполне реальная и крайне разнообразная практика, которой заняты столь же реальные люди, со своими достоинствами и недостатками.

Р. В. Светлов, профессор, доктор философских наук

Введение

Мне посчастливилось общаться с шаманами и целителями Латинской Америки и даже принимать участие в особых ритуалах. Я встречался с различными духовными учителями в Индии, Непале, Тибете, а также на бескрайних просторах Сибири и Средней Азии. Безусловно, встречи со всеми этими удивительными людьми – шаманами, врачевателями-*курундерос*, индийскими *садху*, бонскими и буддийскими мастерами – помогли мне лучше понять философию священной природы, явленную в традиционных культурах разных народов мира.

По большей части я занимался религиозноведческими исследованиями в Перу, Боливии, Эквадоре и Колумбии. Это территория, некогда принадлежавшая империи легендарных инков. Правда, инки были всего лишь верхушкой громадного культурно-исторического айсберга. Центры доинкских цивилизаций существовали на всей территории этих латиноамериканских стран.

Доколумбовы цивилизации – это мир загадок и настоящий вызов современному человечеству с его претензией на всезнайство. Очевидно, что изучение множества до сих пор не расшифрованных археологических артефактов – дело еще не одного поколения ученых и энтузиастов-исследователей. Странствие по затерянным в высокогорных джунглях городам-призракам, таким как всемирно известное святилище у подножия Мачу и Уайну Пикчу, Куэлап (крепость древних индейцев «Воинов Туч» Чачапойяс), Город Мертвецов (Пуэбло де Муэртос), царство саркофагов среди отвесных скал Карахии, было для меня путешествием как будто бы по иной, неведомой и фантастической планете. Словно бы это были города из «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери. Все эти места завораживали и влекли ко все более глубокому погружению в тайны древних цивилизаций Латинской Америки.

Культуры индейцев на побережье Тихого океана, полигональная (многоугольная) каменная кладка в Куско, Саксайуамане и в Священной долине инков, линии и фигуры (геоглифы) на плато Наска и Пальпа, ритуальная деформация черепов, древние нейрохирургические операции и трепанации в культуре Паракас – от всех этих загадок древности захватывает дух у каждого, кто с ними соприкоснется!

Не только в Перу и Боливии, но также в Эквадоре и Колумбии я встречал мистику и магию *во плоти*. Однажды я оказался в волшебном краю на лоне природы недалеко от колумбийского городка Сан-Агустин. Там, в Национальном археологическом парке в Лесу статуй, можно встретить множество интереснейших экспонатов – памятников древней культуры индейцев. Однако мало кто обращает внимание на одну удивительную каменную плиту на высокой горе в самой глубине Леса статуй, прячущуюся под соломенной крышей от палящих лучей колумбийского солнца. На этой плите, по всей вероятности, изображен не кто-нибудь, а настоящий слон! Но как же здесь могло оказаться изображение слона? Ведь слоны на Американском континенте в доколумбову эпоху не обитали (хорошо известно, что слоны живут только в тропических лесах Индии и Африки)! Или, может быть, это память о мамонтах?

Один *тайта*¹, когда я жил у него в глубине амазонской *сельвы*, не задумываясь «разрешил» мучивший меня вопрос: «А что тут удивительного? Шаманы могут летать в любую точку земли. Вот и увидели где-то слона. Делов-то».

Да, для индейцев Южной Америки ответ на такие вопросы самоочевиден. Для них ключ к разгадке тайн древних цивилизаций – шаманы и их мудрые наставники – священные для них растения.

---

¹ Так в Колумбии называют шаманов. На языке кечуа «тайта» – букв. 'отец, дон, сеньор'.

Кто знает, может быть, и вправду шаманы и их учителя – священные растения – помогут нам раскрыть секреты древних цивилизаций, а заодно – лучше разобраться в самих себе и понять наше место и нашу миссию на планете Земля.

Ныне с каждым днем культура шаманов претерпевает значительные изменения. Я не говорю, что шаманизм исчезает. Он именно меняется. Шаманизм за свою долгую историю преобразался не единожды. Тем не менее внутренняя его суть всегда оставалась прежней.

Много лет назад мне повезло встретить шаманов-курандерос, практически не затронутых западноевропейской цивилизацией. Я общался в амазонской сельве с шаманами ЕЩЕ ТОЙ ЭПОХИ. И это, конечно, был поистине чудесный опыт. За годы исследований в амазонской сельве я познакомился с шаманами разных племен. Однако наиболее близкие отношения сложились у меня с шаманами племен шипибо-конибо, кечуа, кичуа и кофан. Увы, некоторых из шаманов, которых я хорошо знал, уже нет в живых. Ведь им уже тогда было под девяносто лет.

Однако и те шаманы, которые практикуют в наши дни, достойны самого пристального внимания. Многие в мире меняется, но шаманы остаются самими собой. Амазонские шаманы верят, что растения-учителя позволяют им не терять связь с источником священной мудрости.

О них – о шаманах, об их архаическом и универсальном восприятии мира и, конечно, об их учителях – растениях и духах природы – пойдет речь в этой книге.

Основную идею книги можно выразить в следующем тезисе (или тезисах). Современный неошаманизм является органическим продолжением классического и архаического шаманизма. На протяжении истории менялся язык описания шаманами своей деятельности и тех особых священных для них пространств, в которые они отправлялись для того, чтобы обрести особые знания и накопить особую силу (прежде всего ради служения той социальной группе, к которой они принадлежали). Традиция (а шаманская традиция в прошлом практически всегда опиралась на устную передачу информации) никогда не была чем-то данным раз и навсегда. Процессы миграции и обмена идеями, образами и мифами происходили постоянно. Мировой котел истории – это бурно клокочущий обмен знаниями и навыками между представителями всевозможных культур. Не только могучие цивилизации, но и просто соседние племена постоянно обогащали друг друга новыми открытиями и представлениями о жизни и смерти.

Силу и знание шаман обретает посредством общения с особыми сущностями, которые неодинаково интерпретировались в разное время в контексте различных культур. В архаические времена эти сущности считались самостоятельно действующими незримыми для обычного глаза духами и божествами (зооорнитоморфные и антропоморфные духи-помощники и духи-покровители, т. е. духи, обладающие чертами животных, птиц и людей). Во времена К. Г. Юнга эти сущности стали интерпретироваться как архетипические образы. Существует также интерпретация некоторых психологов и неошаманов, согласно которой духи и божества – это отражение внутренних подсознательных психических процессов.

Однако независимо от толкований миров, в которых путешествует шаман, и обитателей этих пространств-измерений, способ отправиться в эти путешествия был практически один и тот же на протяжении всей истории существования шаманизма. Совокупность методов вхождения в транс (разной глубины и интенсивности) М. Элиаде назвал «архаическими техниками экстаза». Прежде всего, к этим методам можно с уверенностью отнести употребление психоактивных растительных галлюциногенов, которые на протяжении тысяч лет шаманы считали и продолжают считать своими учителями. Тем не менее это далеко не единственный способ вхождения в транс. Существуют культуры, в которых обращение к «галлюциногенным учителям» не распространено вовсе, тем не менее шаманизм в них играет принципиально важную роль.

Заимствование шаманизмом священных образов мировых религий вовсе не случайно. Это не просто дань доминирующим цивилизациям, подчинившим себе культуры малых народов. В исторической ретроспективе шаманизм послужил основным мифопоэтическим источ-

ником, который, так или иначе, питал все религии мира. Религии трансформировались в зависимости от социально-политических перемен в обществах мира, однако шаманские, архаические паттерны продолжали присутствовать в них с разной степенью выраженности. В связи с этим явление современного шаманского «синкретизма» не должно рассматриваться как нечто искусственное и случайное. Напротив, интеграция с мировыми религиями вполне закономерна. От этого шаманизм не перестает быть шаманизмом. И более того, от такого взаимодействия с мировыми религиями он только выигрывает, поскольку впитывает их высокие духовные и морально-этические идеалы, которые шлифовались человеческими сообществами на протяжении сотен лет истории. В конце XX – начале XXI веков из этнического шаманизма эволюционировал в мировой, глобальный шаманизм. Если раньше шаман обслуживал лишь узкую социальную (семейную, родовую, национальную) группу, то сегодня шаманы служат интересам всего человечества, независимо от цвета кожи, расы и языка (хотя в отдельных регионах этнический шаманизм еще продолжает существовать). Раньше шаманы говорили на языке мифологии лишь одного племени, на языке той социальной группы, к которой они принадлежали. В наши дни шаман – это гражданин мира. Он свободно принимает, впитывает и интегрирует образы и архетипы любых религий и верований, потому что эти образы для него как символы и метафоры для поэта и художника. Как поэтические метафоры отражают переживания поэта, так религиозные символы выражают трансцендентные глубины мистической реальности. Сознание шамана чрезвычайно пластично. Оно исполнено творческого духа, импровизации и священного Духа Игры.

Все это, конечно, связано с общей эволюцией сознания (как индивидуального, так и коллективного), с тем процессом, который Е. А. Торчинов охарактеризовал как переживание Универсального Единства, предполагающего восхождение от расширения сознания («космическое сознание») к единению с божественным Абсолютом².

Чтобы ощутить необъятность такого универсального и глобального явления, как шаманизм, мы проследим его в координатах пространства-времени. Также мы сравним явление шаманизма с другими схожими с ним феноменами – спиритизмом, магией, колдовством – и рассмотрим феномен медиумов.

В нашу задачу не входит обзор всех культур и обществ, в которых присутствовал и до сих пор присутствует шаманизм. В основном я уделю внимание шаманизму тех регионов, в которых занимался исследованиями лично. Часть материала книги базируется на моих собственных полевых наблюдениях, другая часть – на зарубежных источниках, малоизвестных или вовсе не известных российскому читателю. Вместе с тем я не мог обойти вниманием классические труды российских и зарубежных ученых-этнографов и религиоведов, а также интересные исследования последних лет.

---

² Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1997.

Глава 1

Мир архаики

Архаика³. Обычно этим термином принято называть ранний этап в развитии какого-либо общества. Корнями архаика уходит в доисторические времена каменного века. Именно здесь на границе каменного и бронзового веков формируются основные шаманские представления. Прежде всего на древность возникновения шаманизма указывают материалы археологии. Археологические исследования в Прибайкалье, проведенные А. П. Окладниковым в 1930–1950 годы, дали красноречивые свидетельства о существовании в этом регионе развитых шаманских традиций на закате каменного века. Материалы, добытые археологами в Сибири, позволяют предполагать, что шаманы, монопольно отправляющие культовую деятельность и создающие сложную обрядность, специальную одежду, мифологию, молитвенные тексты, впервые появились на территории юга Сибири и на севере европейской части России не позже глазковского⁴ периода или даже ранее того⁵.

Архаические шаманские паттерны переходили из эпохи в эпоху. Следы «доисторических» шаманских мотивов можно обнаружить в античных мифах. Вот небольшой пример. Ритуальный наряд нганасанского шамана, кроме всего прочего, подразумевает особый ремень или цепь на спине. Когда шаман камлает в Нижний мир, ассистент шамана держит его за цепь, чтобы тот мог вернуться обратно в мир живых (то есть в Средний мир). Если ассистент не удержит шамана, тот может потеряться в Нижнем мире и не найти дорогу к живым.

В античном мифе о Тесее и Минотавре мы находим схожий сюжет. Для того чтобы Тесей не пропал в лабиринтах чудовища Минотавра (аналог Нижнего мира шаманов), Ариадна дает своему любимому клубок ниток. Это не столько помогает Тесею не заблудиться в лабиринтах, сколько позволяет сохранить связь с миром живых. Спуск в подземный лабиринт, сражение с чудовищем и возвращение обратно с помощью нити – все это может свидетельствовать о шаманских корнях этого мифа.

Кроме того, среди персонажей ранней греческой культуры стоит упомянуть провидца с острова Крит Эпименида, получившего посвящение во время пятидесятилетнего сна в пещере. Его кожа была покрыта странными татуировками (отсюда пошло выражение «кожа Эпименида», обозначавшее у древних греков нечто таинственное). Пещеру Эпименид покинул обладателем «великих мудростей», т. е. экстатической техники, позволявшей ему погружаться в транс и предсказывать будущее, разъяснять скрытый смысл прошлого, а также очищать города от «миазмов, порожденных преступлениями»⁶. Эпименид стал знатоком божественной науки «не от учения»⁷. «Учителем его был долгий сон со сновидениями»⁸. В этих снах он внимал речам богов и общался с Истиной и Правдой⁹.

Шаманские черты легко обнаружить и в других пророках и чудотворцах архаической эпохи Древней Греции, таких, например, как Аристей из Проконнеса и Абарис. На «шаманские корни» этих героев древности обратил внимание известный советский и российский ученый Г.

---

³ От греч. *archaikys* – ‘старинный, древний’.

⁴ Глазковская культура – археологическая культура начальной поры бронзового века в Прибайкалье; названа так по первым находкам погребений этой культуры в бывшем Глазковском предместье Иркутска.

⁵ Окладникова Е. А. В поисках истоков шаманистических представлений аборигенов Сибири // Вселенная шамана. СПб., 1995. С. 154.

⁶ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 77.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

М. Бонгард-Левин¹⁰. Вот как описывает «полет» Аристее к гиперборейцам философ-стоик Максим Тирский (II в. н. э.): «Он (Аристей) рассказывал, как его душа покидала его тело и, паря в небе, пересекала страны, и греческие, и чужеземные, все острова, реки, горы; что пределом его путешествия была страна гипербореев. Таким путем он получил обильные знания о всех обычаях... о различных ландшафтах и климатах, о морских приливах и разливах рек...»

Тот же Максим Тирский сообщал об Аристее: «Был человек из Проконнеса, чье тело лежало живое, хотя лишь с едва заметными признаками жизни, в состоянии, очень близком к смерти, в то время как его душа выходила из тела и странствовала по небу подобно птице, обозревая все внизу – землю, море, реки, города, народы... затем душа, вернувшись, оживляла его тело, и оно рассказывало о разных вещах, которые душа видела и слышала в различных местах».

Повествование об Аристее позволяет выделить в нем некоторые «шаманские» черты: «путешествие» души отдельно от безжизненно лежащего тела, «перевоплощение» в птицу (ворона), рассказы об отдаленных странах и народах, посещенных душой или увиденных ею во время «полета», – и все в состоянии особого культового возбуждения, транса.

То же относится и к другому «шаману» архаической древности Греции, к Абарису, который, «летая на дарованной ему стреле Аполлона Гиперборейского, переправлялся через реки, моря и непроходимые места, в некотором смысле ходя по воздуху». К тому же Абарис «совершал очищения и отгонял моровые поветрия и ветры от тех городов, которые просили его в этом помочь»¹¹.

Отголоски шаманизма можно обнаружить и в библейских мифах (заметим, что слово «миф» в этой книге не употребляется в уничижительном смысле ‘ложь, небылица, заблуждение’). Лестница Иакова, вознесение Еноха, пребывание Ионы во чреве кита три дня и три ночи, путешествие апостола Павла на Небо¹² – во всех этих историях, возможно, тоже звучат шаманские мотивы.

Архаические шаманские паттерны встречаются и в исламе. Известно, что пророк Мухаммед был на небесах всего один раз. Это событие носит название «Мирадж» (араб. ‘лестница’). Когда пророк Мухаммед находился в состоянии между сном и явью (ср. с состоянием транса), ему явился ангел Джабраил. Сперва ангел рассек грудь пророку, вынул и омыл сердце, а затем вложил его обратно (это вполне вписывается в модель архаической инициации¹³: в ритуале инициации, о котором пойдет речь далее, на стадии воскресения, или реинтеграции, происходит трансформация, обновление плоти, замена старых органов новыми, мистическими; в результате посвященный получает от духов различные магические способности). Затем верхом на мифическом существе Бураке (араб. ‘молниеносный’) с телом лошади, головой женщины и крыльями птицы (мотив ездового животного – духа, который помогает перемещаться между разными мистическими пространствами, очень распространен в шаманизме) Мухаммед был перенесен в Иерусалим. В Иерусалиме на горе Мориа Мухаммед общался с духами пророков (общение на священной горе с духами предков – опять же очень древний и архаический паттерн). Оттуда в сопровождении Джабраила (он сопровождал пророка до границы Седьмого неба, поскольку дальше для него путь был закрыт) Мухаммед вознесся на Седьмое небо.

---

¹⁰ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М., 1983.

¹¹ Фрагменты ранних греческих философов. С. 97.

¹² Апостол Павел так описывает свое восхождение: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор 12: 2–4).

¹³ Обычно под инициацией подразумевается посвящение детей во взрослую жизнь племени, как правило связанное с причинением страдания (испытание через страдание) посвящаемым. В более узком смысле это перевод из одного устойчивого состояния и статуса в другое. При этом иницируемый как бы умирает в одном статусе и перерождается в другом.

Следы шаманских инициаций, идею расчленения, трансформации и последующей «сборки» тела мы находим практически во всех религиях. Так, будда Шакьямуни, достигший пробуждения под фикусом (аллюзия мирового древа), посетил свой родной город Капилавасту и совершил чудо. На глазах у родственников он поднялся в небо, расчленил там свое тело, конечности и голова после этого упали на землю, а затем он воссоединил части тела и принял прежний вид. В этом предании также нетрудно увидеть вполне характерные шаманские элементы (инициатический ритуал расчленения и восхождение на небо)¹⁴.

В наши дни первобытная религиозность иногда искаженно толкуется как нечто устаревшее, потерявшее актуальность, как сумма заблуждений, коллекция суеверий и предрассудков необразованных дикарей, стоящих на низкой ступени цивилизации (или даже вовсе нецивилизованных). Такое высокомерное отношение к первобытной культуре – следствие колониального менталитета.

Однако само происхождение слов «архаика» и «первобытный» указывает на старшинство, главенство, ведущее положение, первенство.

Говоря о первобытных людях, мы в первую очередь имеем в виду не столько первые человеческие общества, сколько тех, кого иногда называют «примитивными» народами. Называть такие народы и этнические группы «примитивными» в корне неверно, поскольку, как писал Л. Леви-Брюль, «хотя установления и верования этих обществ отличны от наших, люди, в них живущие, не более примитивны, чем мы»¹⁵.

Ценность и важность первобытной культуры хорошо понимал выдающийся мыслитель К. Г. Юнг, основоположник аналитической психологии. Он писал: «Я использую термин „первобытный“ в смысле „первичный“, „исконный“ и не привношу сюда никакого оценочного суждения.

Также когда я говорю об „остаточной“ первобытности, то вовсе не имею в виду, что это состояние рано или поздно придет к своему концу. Напротив, я не вижу никаких причин, почему оно не должно оставаться до тех пор, пока существует человечество»¹⁶.

Такое трепетное отношение к первобытному сознанию вовсе не случайно. Архаика дала жизнь всем без исключения традиционным мировым и локальным религиям. Без мифов, легенд и архетипов древности не было бы ни поздней философской рефлексии, ни психологии и прочих дифференцированных гуманитарных наук. Поэтому для понимания поздних религий, со своей спецификой и «трудными местами» в священных писаниях, не поддающимися порой разумному истолкованию, необходимо знание архаических истоков и шаманских паттернов. Это золотой ключик к волшебной двери в мир религий.

Все мы носим в себе как коллективное сознание, так и коллективное бессознательное. А их истоки как раз и лежат в первобытном обществе, с его «коллективными мистическими представлениями», с его *мистическим соучастием* (*participation mystique*), которое предшествует и сопутствует всей ментальной, интеллектуальной и эмоциональной жизни любого отдельного представителя вида, т. е. *индивида*. «Член племени, тотема, клана чувствует свое мистическое единство со своей социальной группой, свое мистическое единство с животными или растительным видом, который является его тотемом, свое мистическое единство с душой сна, свое мистическое единство с лесной душой и т. д.»¹⁷.

У африканцев до сих пор сохранилось это древнее чувство «мистического соучастия». Это понятие называется у них «убунту» (*uu-Boon-too*). Это слово из диалекта банту. В культуре

---

¹⁴ Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода. СПб., 1999. С. 371.

¹⁵ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. VI.

¹⁶ Зеленский В. В. Аналитическая психология: словарь. СПб., 1996. С. 161.

¹⁷ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление // Художественная культура первобытного общества: хрестоматия / Под ред. М. С. Когана. СПб., 1994. С. 50.

южноафриканских народов коса (xhosa) и зулу (zulu) «убунту» означает ‘Я существую, потому что мы существуем’.

Убунту, можно сказать, – южноафриканское направление этики и гуманистической философии, особое внимание уделяющее понятиям верности в отношениях между людьми. Убунту является одним из основополагающих принципов новой Южно-Африканской Республики. Его положения даже связываются с идеями африканского Возрождения.

Приблизительное толкование слова «убунту» – ‘человечность по отношению к другим’. Другой возможный вариант перевода – ‘вера во вселенские узы общности, связывающие всё человечество’. В соответствии с философией *убунту*, существует общая связь между всеми нами, и именно через эту связь, через наши взаимодействия с другими людьми мы открываем и проявляем наши собственные человеческие качества. Или как сказали бы зулусы: «Umuntu Ngumuntu Ngabantu», что означает: «Человек – это человек через других людей». Мы проявляем человеческие качества только тогда, когда мы осознаем себя через других.

Южноафриканский лауреат Нобелевской премии мира 1984 г. архиепископ Десмонд Туту (Desmond Mphahlele Tutu) описывает убунту следующим образом. Убунту – это суть человеческого бытия. Человек убунту гостеприимен и доброжелателен. Он имеет такую же сильную потребность делиться с другими, как человек западного мира – брать, копить и потреблять. Человек, исповедующий убунту, сердечен и открыт, он понимает и принимает других людей. Ведь человек убунту твердо уверен, что сам он является лишь частью большого целого. Поэтому, если другая часть целого радуется, он тоже радуется. И наоборот, когда другой человек угнетен, когда его оскорбляют или унижают, исповедующий убунту тоже страдает, как если бы боль причиняли ему лично. Это говорит о цельности, сострадании и ярко выраженном чувстве *мистического соучастия* этих африканских народностей.

Недавно мир облетела история об антропологе, который предложил детям африканского племени зулусов своеобразную игру (в целях изучения социального поведения племени). Он поместил плетеную корзинку, полную фруктов, около дерева недалеко от детей и сказал им, что тот, кто добежит до дерева первым, выиграет все фрукты. Когда он дал знак для начала забега, все дети взялись за руки и побежали вместе, а потом сели и так же вместе начали поглощать фрукты. Антрополог спросил у детей, почему они бежали все вместе, когда кто-нибудь один из них мог выиграть все фрукты только для себя, и дети поразили его ответом. «Убунту! – сказали они дружно. – Как один из нас может быть счастлив, если все вокруг грустные?»

Мистическое соучастие затрагивало не только социальный аспект. Человека архаики интересовало бытие во всех его красках: «бессознательная», иррациональная сторона бытия была такой же значимой, как и другая – рациональная сторона. Да и не было в архаическом сознании строгого разделения на *рациональное* и *иррациональное*. Сновидения имели столько же прав на статус реальных, сколько произошедшее наяву.

Первобытные люди «рассматривают сновидение как реальное восприятие, столь же достоверное, как и то, которое получается наяву. Но оно, кроме того и главным образом, служит в их глазах предвидением будущего, общением с духами, душами и божествами, способом установления связи с личным ангелом-хранителем и даже обнаружения его. Они целиком уверены в реальности того, что они узнают во сне»¹⁸. Для первобытного человека сновидения отнюдь не являются «низшей и ошибочной формой восприятия. Напротив, это форма высшая: так как в ней роль материальных и осязаемых элементов является *минимальной*, то в ней общение с духами и невидимыми силами осуществляется наиболее непосредственно и полно»¹⁹.

Для первобытного человека бессмысленно «различие между реальностью и видимостью. Все, что способно воздействовать на ум, чувство и волю, тем самым утверждает свою несо-

---

¹⁸ *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 64.

мненную реальность. Нет, например, никакой причины, почему сны должны считаться менее реальными, чем впечатления, полученные наяву. Наоборот, сны часто поражают человека настолько сильнее, чем однообразные повседневные события, что оказываются не менее, а более значительными, чем обычные впечатления. <...> Подобно тому, как не было отчетливого различия между снами, галлюцинациями и обычными впечатлениями, не существовало и резкого различия между живым и мертвым. То, что мертвый продолжает жить и сохранять связь с живым человеком, считалось в порядке вещей, ибо мертвые были включены в несомненную для человека реальность его собственных страданий, надежд, обид. Для мифопоэтического склада ума „то, что волнует“, равнозначно „тому, что существует“»²⁰.

Возможно, что степень важности тех или иных переживаний определялась степенью их интенсивности. Поскольку впечатления, полученные во время приема психоактивных растений, обладали высокой степенью воздействия на сознание первобытных людей, они занимали особое положение в жизни архаических племен. Однако отношение к этим растениям и возникшим в результате их приема видениям существенно отличалось от того, что наблюдалось у «пионеров психонавтики» и героев «психоделической революции» 60-х годов прошлого века.

---

²⁰ Франкфорт Г. и др. Указ. соч. С. 32.

Архаика шаманизма и «психоделическая революция»

Для архаического мировосприятия характерна четкая космологическая структура. Космос – это Божественный Порядок, мир Божественного Закона в океане Безмерного Хаоса. Космос в сознании древнего человека имеет Центр (обычно совпадающий с географическим центром или священным местом конкретного сообщества) и стороны света. Центр – это важнейшая психологическая точка отсчета. Ощущение пространства, упорядоченного вокруг центра, объясняет космогонический и космологический символизм первобытных стоянок и жилищ²¹.

Центр, центральная ось – один из ключевых архетипов человечества.

Парадигма мышления архаического человека всегда центростремительная, или космостремительная, что означает стремление жить в границах четко очерченного общинной традицией Космоса-Порядка. В духовной области мир делится на *сакральную* и *профанную* составляющие, на *священное* и *мирское*. Сакральное измерение обязательно имеет священный центр, который, кроме всего прочего, является связующим звеном и порталом между мирами, соединенными центральной осью (мифической горой, рекой и т. д.). Вместе с тем *сакральное* и *профанное* для архаического человека неразрывно связаны.

В шаманских традициях Сибири моделью вселенной в ее пространственном и временном аспектах выступал чум или юрта – *портативная молебель*, аналог *скинии* израильтян, служившей некогда переносным святилищем Бога и своеобразным прообразом храма мировых религий. Тувинцы верят, что юрта имеет небесное происхождение²².

Шаманский чум эвенков имел наиболее разработанную и детальную сакральную символику. Чум состоял из трех частей, символизирующих три мира. Центральная часть чума представляла Средний мир. Справа и слева от центра шли две галереи. Та, что была ориентирована на восток, символизировала проход в Верхний мир. Другая галерея, ориентированная на запад, считалась входом в Нижний мир. От Верхнего мира к Нижнему, через центральную часть чума текла символическая Мировая река. На ее притоках обитали духи, помощники шамана. В центре чума располагался шест – символ мирового древа. Верховное божество Сэвэки нисходило по древу-лестнице для общения с людьми. По этой лестнице шаман мог восходить в Верхний мир. Таким образом, в центре чума находилось перекрестье миров. Такой чум сооружался для важных обрядов, связанных с освящением шаманской утвари, или, например, для провода души в мир мертвых с целью последующей реинкарнации души.

Важное место в *шаманском храме* – чуме – уделено огню. Ведь только человек способен сознательно добывать огонь. Даже использование орудий труда – не привилегия одного только человека. Достаточно много животных и птиц используют различные орудия, чтобы добывать себе пищу – от веток и палок до камней. Но извлекать огонь по своему желанию могут только люди. Естественно, что мифы об огне были распространены по всей планете.

Культ огня был непосредственно связан с культом очага (прообраз алтаря в храме). В самой этимологии, если посмотреть толковые словари В. И. Даля и В. В. Радлова, видно, что слово «очаг» связано с такими понятиями, как «род», «семья», «дом», «центр», «огонь». Семейная жизнь была всецело связана с домашним очагом. Огонь объединял вокруг себя членов племени, рода, семьи, на огне гадали, он служил связующим звеном между живыми людьми и духами мертвых, с помощью огня приносились жертвы божествам (и в первую очередь – самому духу огня), а также в нем видели родственную связь с божествами грома и солнца. Огонь очага оберегал покой людей во время сна, хранил их от страхов, внушаемых тьмой.

---

²¹ Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2009. С. 11.

²² Кенсин-Лопсан М. Б. Дыхание черного неба. Мифологическое наследие тувинского шаманства. М., 2008. С. 25.

Многие современные люди пребывают в сытости и неге, дарованной им технократической культурой. Однако, утратив непосредственную связь с землей и такими естественными стихиями, как вода и огонь, люди перестали ощущать священный дух природы. Вместе с тем они постепенно начали терять также и веру в ценности мировых религий (ведь корни всех мировых религий уходят в архаическое почитание природы и ее духовной сути).

Парадокс заключается в том, что, обретя комфорт и уют благодаря промышленной технической революции, человек практически потерял сакральное чувство природного дома. И внутренняя безотчетная неудовлетворенность технократической цивилизацией породила стихийный бунт молодежи, получивший в 60-х годах прошлого века название «рюкзачной революции»: «...смотрите, бродяги с рюкзаками заплывают мир, бродяги дхармы, они не подписываются под общим требованием потреблять продукты и тем самым трудиться ради права потреблять, на хрена им все это говно – холодильники, телевизоры, машины, по крайней мере новые шикарные машины, все эти шампуни, дезодоранты, дрянь вся эта, которая все равно через неделю окажется на помойке, на хрена вся эта система порабощения: трудись, производи, потребляй, трудись, производи, потребляй – великую рюкзачную революцию предвигая, тысячи, миллионы молодых американцев берут рюкзаки и уходят в горы молиться, забавляют детей, веселят стариков, радуют юных подруг, а старых подруг тем более, все они – дзенские безумцы, бродят себе, сочиняют стихи просто так, из головы, они добры, они совершают странные непредсказуемые поступки, поддерживая в людях и во всех живых существах ощущение вечной свободы»²³.

По сути, бунт против «общества потребления», «рюкзачная революция» были следствием интуитивной тяги человека к земной природе. А эта тяга была непосредственно связана с поисками сакральной мудрости, которую некогда хранили предки *цивилизированных людей*, но от которой последние отвернулись, сочтя ее за проявление мракобесия, предрассудков и суеверий. Бунтари искали правды жизни, которую они не видели в обществе потребления и внешнего комфорта. Именно в шаманах и нашла тех, кто сохранил верность священной мудрости природы, молодежь 1960-х. Она потянулась к ним в поисках ответов на экзистенциальные вопросы бытия. Одной из культовых фигур того поколения бунтарей был Джим Моррисон, поэт, музыкант и солист группы «The Doors». Из биографии Моррисона хорошо известно, что он был увлечен мифами и религией коренных американских культур. Когда Джим учился в школе, его семья переехала в Нью-Мексико. Там Моррисон получил первый опыт знакомства с индейской культурой американского Юго-Запада. Все это нашло отражение в его стихах и песнях (в особенности в песне «The Ghost Song»), в образах ящериц, змей, пустынь и «древних озер». Увлеченность шаманскими практиками коренных народов Америки и в особенности Пляской духов²⁴ ощущается во всем экстатическом творчестве Моррисона.

Увы, далеко не всегда люди того бунтарского поколения понимали настоящие ценности и цели шаманизма. Некоторые представители молодежи полагали, что шаманизм – это романтический способ убежать из опостылевшей повседневной реальности на лоно природы, в мир «галлюциногенных чудес» растений и грибов, в мир безоглядного «расширения сознания».

Психоделический взрыв на Западе отозвался даже в Советском Союзе. О битниках и хиппи, по понятным идеологическим причинам, речи в СССР идти не могло. Но все же так называемая «хрущевская оттепель» породила в Советском Союзе свою «рюкзачную революцию» и свое «поколение шестидесятников». Наши барды, воспевавшие дальние походы и задушевные беседы у костра, были советским вариантом бунтарей против технократизма и угнетающей свободу культуры, противопоставившей себя вольному духу природы.

²³ Керуак Дж. Бродяги дхармы. М., 1995.

²⁴ Пляска духов – мессианское движение индейцев запада США. В экстатическом танце участники ритуала Пляски духов впадали в транс и получали особые видения.

Однако центробежные тенденции расширения границ сознания и бегства «в первобытную природу» на Западе были в корне противоположны центростремительной идее сакрального мира, священного космоса архаики. Архаический человек мечтал жить в «круге» своего сакрального мира, в своем родовом доме близ очага. Шаман вовсе не был «психоделическим» анархистом и аутсайдером, каким он рисовался воображению поколения битников и хиппи. В действительности шаман стремился к порядку, а не к анархии. Этот священный порядок поддерживался и воспроизводился шаманом через миф и ритуал. «При внимательном анализе всех форм проявления шаманского ритуала и его теологического наполнения шаманизм, как наиболее древняя форма религиозных представлений, служил креативным, антиэнтропийным целям упорядочивания мироздания, борьбы со вселенским хаосом»²⁵.

Архаическому человеку было легко и просторно в своем священном доме, поскольку в некотором смысле домом для него был весь обозримый космос. «Подобно тому как племя образует для первобытного человека все человечество, а предок – основатель племени является отцом и создателем людей, так и образ поселения смешивается в его глазах с образом вселенной. Поселение – это центр мироздания, и все мироздание представлено там в сжатом виде»²⁶. Мировое пространство и племенное пространство практически тождественны в первобытном сознании. Большинство праздников в древности было связано с космическими явлениями – например, с положением Солнца относительно Земли. Так, к примеру, солнцеворот был одним из важнейших праздников земледельческого цикла. В отличие от них, современные праздники отмечают дни, в которые состоялись какие-либо значимые события человеческой истории. А в этом, как и во многом другом, отражается отчетливый антропоцентризм современного западноевропейского мышления. Наши далекие предки не были столь эгоцентричны, они чтили и праздновали дни, которые как будто были отмечены в космическом календаре самой природой. Их праздники были масштабны и всеохватны.

Особым было отношение первобытного человека к земле. Земля не воспринималась им лишь как источник агрокультур, полезных площадей и полезных ископаемых. Земля для архаического сознания была живой, разумной и священной. «В земле пребывает и из нее исходит некое деятельное начало, которое проникает все, которое соединяет настоящее с прошлым»²⁷.

Но человек «нового времени» позабыл, что является частью земной природы и бескрайнего Космоса. Он перестал ощущать масштабы своего космического дома, в котором светила и планеты воспринимались как живые небесные божества наряду с проявлениями жизни и священной природы на земле и под землей. Электричество лишило его звездного неба над головой. Житель мегаполиса ощущал себя заключенным в давящие прямоугольные пространства повсюду – в квартире, в офисе, в машине и даже в зале кинотеатра. Везде он был окружен холодными и бездушными стенами. Душа его жаждала вырваться из заточения всеобщего телесного (но отнюдь не душевного) комфорта.

Устремления современного человека в чем-то напоминают поведение новоевропейских первооткрывателей неизведанных земель. Как путешественники прошлого, которым было тесно в перенаселенных городах и которых тянуло в путь жажда исследования новых территорий, молодежь 1960-х увлеклась открытием новых измерений сознания, освоением *terra incognita* внутреннего мира – мира, простирающегося за границами «обыденного», «опостылевшего» сознания.

Желание осуществить такое путешествие через океан неведомого привело западного человека к психоделическим экспериментам (У. Берроуз, А. Гинзберг, Т. Лири и др.). Психоделики – как корабль, отправляющийся в мир за пределами ойкумены (др. – греч. ο,κουμένη

²⁵ Окладникова Е. А. Указ. соч. С. 154.

²⁶ Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М., 1982. С. 99.

²⁷ См. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. С. 32.

– от о.,к'эω 'населяю, обитаю') – Обитаемой Земли. Герои прошлого, конечно, также отправлялись за Великие Пределы, но для них это был подвиг приобретения некоей Ценности ради мира Обитаемого. Космос-Порядок связан в сознании античного героя с полисом, т. е. с сообществом близких, друзей и просто сограждан. У героев никогда не возникала идея покинуть Космос-Порядок-Полис навсегда, во имя эфемерной романтической идеи бегства из опустыленного мира. Для архаического сознания такой ход мысли просто неприемлем. Архаическому человеку не нужно было нестись за край света в поисках «священного измерения». Для него священное измерение находилось в центре его повседневного мира, а не на периферии, за неведомыми горизонтами. Древний человек не пытался убежать в «другие измерения». Остракизм – изгнание из полиса – был одним из самых страшных наказаний для обитателя древнего мира. Поэтому психоделический эскапизм, погружение в океан Хаоса без наставника и осознанной ясной цели, без соответствующей инициации (посвящения), был бы воспринят архаическим человеком как проявление откровенной глупости или даже вовсе – безумия.

Священные растения помогали шаманам и их соплеменникам жить там, где они видели центр своего мироздания – то есть на земле, дома. Они и не думали «расширять сознание» галлюциногенами ради острых ощущений и необычных развлечений. Идея «психоделического эскапизма», как уже было сказано, в корне чужда центристскому мышлению архаического человека. Но именно эта идея «открытия и исследования» новых пространств сознания увлекала западных шестидесятников XX века. Выдающийся писатель Карлос Кастанеда, знакомый с архаическими традициями своих предков-метисов Латинской Америки, трансформировал эти традиции в соответствии с модными в ту пору тенденциями. На страницах своих книг Кастанеда как бы облекает новые идеи *экспансии в неведомый мир сознания* в пестрые экзотические одежды архаического шаманизма. Так появляются его чрезвычайно современные *маги, хранители древних знаний*, которые при этом были очень близки идеям западных интеллектуальных бунтарей. Маг Кастанеды совершенно иной породы, нежели *классический* жрец или шаман. Прежде всего, маг Кастанеды опирается на собственные силы и знания особых, тайных законов вселенной. Он не является представителем духов, которые его избрали и призвали к служению. Маг Кастанеды служит своим собственным интересам эзотерического характера, тогда как традиционный шаман – интересам общины (причем зачастую – в ущерб собственным).

Книги Кастанеды создали для западного читателя особый образ мексиканского мага. Его герой – одинокий философ-колдун, мистик и социально маргинальный персонаж. Что касается реальных мексиканских шаманов, то они чрезвычайно тесно связаны с общиной и интегрированы в социальную жизнь. Они являются известными (популярными) и уважаемыми в своих сообществах людьми. И они так не похожи на Дона Хуана! Исследовательница латиноамериканских доиспанских культур Г. Г. Ершова пишет: «В начале 70-х годов Кастанеда нарушил „эзотерическое равновесие“, предложив своеобразное „космоцентрическое“ учение, в основе которого стоит самосовершенствующаяся личность, абсолютно не связанная ни с каким религиозным, интеллектуальным или политическим кланом. Я прекрасно понимала, что созданный Кастанедой мир нагуалей если и существует, то в какой-то иной реальности, и, наверное, нет смысла искать его в жаркой и влажной тропической сельве южной части Юкатана»²⁸.

Так кто же все-таки маг Дон Хуан Кастанеды? Алехандро Ходоровски, знаменитый чилийский режиссер, снявший культовый фильм «Священная гора», с большим уважением отзывается о трудах Кастанеды. Ходоровски встречался с Кастанедой в Мексике. Вначале, как говорит Ходоровски, тот произвел впечатление водителя грузовика. Кастанеда был совершенно обычным человеком, не толстым, но коренастым, невысоким, с курчавыми волосами. Он ничем не отличался от остальных людей на улице. Однако как только он открыл рот, то тут

²⁸ Ершова Г. Г. Древняя Америка: полет во времени и пространстве. Мезоамерика. М., 2002. С. 92.

же преобразился в принца. В каждом произнесенном им слове чувствовалась глубокая культура. Он производил впечатление не только мудрого, но невероятно дружелюбного человека. На вопрос, что Ходоровски думает о книгах Кастанеды, он ответил, что на его взгляд эти книги были основаны на реальном опыте, если не считать разработанных и внедренных Кастанедой концепций, почерпнутых им из мировой эзотерической литературы. В его книгах вы найдете дзен, Упанишады, карты Таро, работу со сновидениями. В одном можно быть абсолютно уверенным – он прошел всю Мексику для того, чтобы осуществить свои исследования. Когда Ходоровски спросили, верит ли он в существование Дона Хуана, режиссер ответил отрицательно. Личность Дона Хуана – это плод воображения Кастанеды, который при этом, конечно, встречался с несколькими колдунами из племени яки²⁹. Зная об актерской игре и театральном поведении, Ходоровски не считал, что Кастанеда лгал, когда рассказывал ему о Доне Хуане. Может быть, Кастанеда был одновременно сумасшедшим и гениальным? – предположил Ходоровски. Тем не менее Ходоровски признал, что Кастанеда внес огромный вклад и оказал влияние на современников. Кастанеда воскресил образ духовного воина и привел в движение идеи *осознанных сновидений*, которые были сформулированы Эр-ве де Сен-Дени много лет назад в книге «Сновидения и как ими управлять» (Париж, 1867). Позднее этот феномен был назван осознанными сновидениями, или ясными сновидениями (*rkve lucide, lucid dream*). И в этой связи, является ли правдой то, что писал Кастанеда, или же это плод его богатого воображения, не имеет большого значения. Если это ловушка – это священная ловушка³⁰.

Хотя и не был похож маг Кастанеды на классического шамана, тем не менее нельзя недооценивать гениальные произведения писателя и мистика. В конце концов, как говорил сам Кастанеда в «Путешествии в Икстлан» (1972) устами своего учителя Дона Хуана (Хуан Матус, Juan Matus), «воину все равно, правда или вымысел то, с чем он сталкивается, а для обычного человека это очень существенно». Не так важно, что послужило источником вдохновения при написании этой «магической эпопеи». Важно то, что Кастанеда создал образ, который вдохновлял и продолжает вдохновлять миллионы читателей. В предисловии к книге Кастанеды «Учение Дона Хуана: Путь познания индейцев племени яки» Е. А. Торчинов и С. В. Пахомов пишут: «...1968 год стал знаковым не только в политическом отношении. Произошло событие и в сфере духа, имевшее немалые последствия для становления феномена, который позже назовут „Новым веком“ – New Age. Издательство Калифорнийского университета выпустило книгу некоего Кастанеды под интригующим названием „Учение дона Хуана: путь знания индейцев яки“. Успех ее оказался фантастическим: за короткий срок было продано 300 тысяч экземпляров».

Пусть Кастанеда и не описывал в своих произведениях архаический шаманизм и магию, он привлек своими трудами внимание миллионов людей по всему свету к воистину бездонному и насыщенному всеми красками и формами жизни океану архаики. И в этом смысле он не только «крестный отец» движения нью-эйдж, но также «крестный отец» многих серьезных ученых, которые после «увлечения Кастанедой» посвятили свою жизнь исследованию сакрального мира шаманизма.

²⁹ Яки – индейское племя, жившее на территории современной Мексики (40 тыс. человек); в конце XIX – начале XX в. несколько тысяч индейцев племени переселились на юг Аризоны. Ныне около 10 тыс. человек живут в районе городов Финикс и Тусон. В 1964 г. конгресс выделил им 82 га земли. В 1978 г. эта ветвь племени (Pascua Tribe) получила федеральное признание. Главное занятие – земледелие (кукуруза, бобы). Имеют сильные органы самоуправления; важную роль в иерархии племени играют старейшины. Вероисповедание представляет собой сочетание католицизма и традиционных ритуалов, в том числе культа оленя (Pascua cult).

³⁰ Jodorowsky A. Psychomagic: the transformative power of Shamanic psychoterapy. Rochester, VT, 2010.

Архаические константы

Задолго до воцарения мировых религий духовная культура бесписьменных народов имела ряд общих черт. Главными чертами архаических верований и представлений можно назвать следующие.

Тотемизм – вера в родство между определенной группой людей (племенем, родом) и тотемами – определенными видами животных, растений, реже – явлениями природы и предметами, которые в современной западноевропейской культуре считаются неодушевленными. Тотем – термин из языка североамериканских индейцев оджибве (ototeman – ‘принадлежащий к клану’, или ototem – ‘его род’). В родоплеменных обществах тотем – это животное или растение, которые считаются начальниками рода. В Африке и Северной Америке в качестве тотема выступают также явления природы (дождь, гром, молния, ветер и т. д.), которые при этом тоже часто символизируются животными.

Как пишет М. Ф. Альбедиль, «тотемизм – необычайно сложное явление, и ученые всего мира до сих пор выясняют, что же это такое. Но нам важно уяснить, что в общих чертах сущность тотемизма заключается в особом взгляде на мир, согласно которому человек вместе со всем своим сообществом – неотъемлемая часть природы. Как считают, например, австралийские аборигены, во „времена сновидений“, которые были до начала всех начал, растения, животные и люди не имели форм, свойственных им сейчас. Они могли принимать любой облик и менять его, так как обладали некоей общей жизненной сущностью, одной и той же у людей, у животных, на которых они охотятся, у деревьев, листву которых они собирают, у звезд, которые сияют на небе. Многие австралийские мифы так и начинаются: „Это было в то время, когда звери были еще людьми...“ Опоссум, например, мог выглядеть как обычный опоссум и как человек, а к тому же еще мог, начав превращаться в человека, остановиться где-нибудь на полпути да так и остаться полужверем-получе-ловеком. Подобное слияние человека, животного и растений в мифологическом прошлом послужило прочной основой для их близости в настоящем. Таким образом, тотемизм связывал первобытных людей с прошлым, с родной землей, со всеми явлениями природы»³¹.

Тотем связывает не только определенную родоплеменную группу и какого-то зооморфного духа, но также определенную местность, Место Силы. Это могут быть скалы, озера, пещеры. В этих местах первобытные люди обычно совершали религиозные обряды для укрепления связи с тотемным духом. В этих Местах Силы обычно хранили особые священные тотемические эмблемы, на языке австралийских аборигенов именуемые *чуринги*.

Анимизм – вера в духов и души, которые обитают среди живых людей в образах животных, людей или растений. В некотором смысле в современном виде анимизм встречается в городской культуре в виде спиритизма. В архаических культурах считалось, что все в природе, включая камни и деревья, наполнено жизнью. Неодушевленных предметов просто не существует. Более того, все в природе проникнуто единой психической силой. Такое представление получило в науке название «аниматизм» (от лат. *animates* – ‘одушевленный’).

Различие, как писал Л. Я. Штернберг, касается лишь формы одушевленных существ, но психически они тождественны между собой. Формы – лишь кажущиеся изменчивые явления, подобно тучам на небе. У тюркоязычных народов эта сила именовалась *Кут*, у тибетцев *Ла*. Эскимосские шаманы называли ее *Хила*, или *Сила* (в данном случае мы имеем дело с любопытным совпадением в звучании и смысле слова «сила» у эскимосов и славян). *Сила*, согласно

³¹ Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб., 2002. С. 57–58.

эскимосским представлениям, – неперсонифицированная, неолицетворенная сила, от которой зависят как все явления природы, так и успех человеческой жизни³².

Наиболее популярное в наши дни обозначение психоэнергетической силы – *мана*. *Мана* – это универсальная сила, вера в которую была широко распространена в Полинезии и других частях Океании. Полинезийцы верили, что обладание маной приносит человеку успех в его деятельности.

Впервые о вере в ману среди меланезийцев сообщил миссионер-этнограф Р. Кодрингтон в письме М. Мюллеру в 1878 г.: «Религия меланезийцев в смысле верований состоит в убеждении, что всюду существует сверхъестественная сила, принадлежащая к области невидимого; а в смысле практики – в употреблении средств для обращения этой силы в свою пользу... Есть вера в силу, которая отличается от физической силы и действует самыми различными путями для добра и зла; и обладать ею или направлять ее – величайшее преимущество. Это есть мана... Вся меланезийская религия состоит по существу в приобретении этой мана для себя или в использовании ее для своей выгоды...»³³

Мана представляет собой безличную сверхъестественную силу, которую меланезийцы отличают от естественной силы. Мана не является физической силой. Как сказали бы сейчас, это «тонкая сила», незримая, но ощущаемая в своих проявлениях (принесении успеха и удачи).

Источник маны – духи определенной категории и некоторые люди. Это амбивалентная сила: она может причинять вред или приносить благо. В наибольшей степени мана сосредоточена в успешных людях. Преуспевающий человек (воин-победитель, искусный ремесленник, крестьянин с хорошим урожаем), а также человек с высоким социальным статусом или вождь, жрец имеет много маны. Мана может принадлежать и отдельным предметам. Если в землю зарыть особый магический камень и в результате взойдет хороший урожай – значит, у этого камня есть мана. Считается, что от такого магического камня можно «зарядить» и другие, обычные камни, подержав эти камни положенное время рядом с «успешным камнем». В этом контексте сила маны обладает также и физическими параметрами (в данном примере – текучестью)³⁴. Полинезийцы полагали, что племя сохраняло свою ману до тех пор, пока оно оставалось сильным и независимым. Если человек попадал в рабство, полинезийцы верили, что он потерял ману. Поражение в бою, трусость и недостаточная жизнестойкость считались признаком того, что мана оставила человека или племя. Вождь очень дорожил своей маной, поэтому все, что было с ней связано, табуировалось. *Табу*, или *тапу*, *капу* связывалось с неприкосновенностью вождя. Если он прикасался к какой-нибудь чужой вещи, ее владелец терял на нее права. Если вождь заходил в чью-либо хижину, ее хозяева должны были оставить свое жилище. На острове Таити, для того чтобы вождь случайно не коснулся чужой земли, существовали особые носильщики, переносившие вождя, когда он хотел покинуть пределы своей резиденции. Нарушителя табу ждала смерть. В одних случаях нарушивших табу карал сам вождь, а в других убивала (часто в буквальном смысле) вера в неотвратимую сверхъестественную кару. Существовали также табу, связанные с принятием пищи, с хозяйственными занятиями, с военными действиями, с погребальными обрядами и т. д.³⁵

Универсальная душа, психоэнергетическая сила присутствует во всем подверженном трансформации мире. Личинка превращается в неподвижную, мертвую на вид куколку, а затем из куколки рождается бабочка. Архаический анимизм, или даже своего рода пантеизм, позволял увидеть жизнь и смерть в особом свете.

---

³² Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 117.

³³ Там же. С. 75.

³⁴ Токарев С. А. Указ. соч. С. 76.

³⁵ Там же. С. 87.

Жизнь и смерть были неразрывно связаны в архаическом сознании. Без тени нет света, без смерти нет жизни. Одно состояние сменяет другое. Бояться смерти – все равно, что бодрствующему бояться уснуть, а спящему проснуться. Многие народы, как, например, тасманийцы, а также индейцы алгонкинского племени, абигоны, зулусы и многие другие, тень и дух обозначали одним и тем же словом. За вдохом следует выдох. Жизнь невозможна ни без «вдоха», ни без «выдоха». Дыхание циклично и ритмично. И им пронизан весь космос архаического человека. Вот почему душа и дыхание в семитских и арийских культурах обозначались одним словом. «У евреев „нефеш“, дыхание, употребляется для обозначения „жизни, души, ума животного“, тогда как „руах“ и „нешама“ представляют переходное от „дыхания“ к „духу“. Этим выражениям соответствуют арабские „нефс“ и „рух“. То же самое встречается и в санскритских словах „атман“ и „прана“, греческих „психе“ и „пневма“ и в латинских „анимус“, „анима“, „спиритус“. Равным образом славянское „дух“ перевело понятие „дыхание“ в понятие о „душе“ или „духе“. В диалекте цыган встречается то же слово „дук“ со значением „дыхание, душа, жизнь“. Вынесли ли они это слово из Индии как часть своего наследства от арийского языка или усвоили его во время своих странствий по славянским землям – неизвестно»³⁶.

Интересно, но даже с точки зрения современной биохимии жизнь – не что иное, как процесс *медленного горения* (кислород является окислителем), в отличие от известного всем «огненного» горения, которое представляет собой экзотермическую реакцию (с выделением теплоты) окисления, протекающую с достаточно большой скоростью. Огонь и дыхание в своей сути те же самые окислительные процессы, но протекающие с разной скоростью. И в этом смысле метафоры жизни как огня (к слову, джинны в исламской мифологии имеют огненную природу) или дыхания (духа, души) очень верны. Жизнь – процесс трансформации. Это не неизменная субстанция, а именно процесс. Огонь имеет зримую форму, но эта форма не статична, она существует, пока у огня есть пища. Примерно такой же (огненной) формой является и наше живое тело. Интересно, что об огне как сути бытия говорил еще Гераклит Эфесский. «Гераклит началом всех вещей полагал огонь, из которого все возникает и в который все разлагается, ибо все вещи – возмещение <огня>, и предопределено время разложения всех вещей в огонь и их рождение из него»³⁷. Вещество, из которого создано тело, подобно огню – оно питается топливом и расходует энергию («улетучивается с дымом»). Кажется, что форма его постоянна, однако состав обновляется каждое мгновение. В этом смысле наши тела подобны реке, которая с виду кажется постоянной, но воды ее обновляются и никогда не остаются на прежнем месте. В этом процессе трансформации мы умираем и рождаемся каждое мгновение. И это не должно нас пугать. Суть жизни в вечных превращениях, в которых проявляется поток энергии во всевозможных формах, динамический баланс противоположностей и космическая гармония, или, как сказали бы в Китае, путь дао³⁸. Китайская мудрость гласит, что бесконечное становление элементов жизни (относительная реальность, мир явлений – *ми*) покоится в безмерном пребывании трансцендентного Абсолюта (Абсолютный Принцип *ли*). Единство Абсолюта и относительно-феноменального – источник гармонии перемен и покоя – может быть явлен через разные метафоры. Пожалуй, лучше всего мудрость Великой Игры-Танца Жизни и Смерти на лоне Пустоты-Полноты, где жизнь и смерть составляют неразрывное единство, была выражена древним китайским мудрецом Чжуан-цзы. Он хорошо понимал, что с позиции огра-

³⁶ Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 215.

³⁷ Фрагменты ранних греческих философов. С. 222, 223.

³⁸ Дао – фундаментальное понятие китайского учения даосизм. Дао, согласно этому учению, имеет два аспекта – «безымянный», «неизреченный», являющийся основой всего космоса, и «именуемый», творящий аспект, «пестующий», вскармливающий все конкретные вещи. Второй аспект именуется «Дэ» – Благая Сила, Благодать дао. Отсюда происходит название главного текста даосизма – «Дао-Дэ цзин» («Канон Пути и Благой Силы»), который датируется приблизительно 300–250 гг. до н. э. Автором «Дао-Дэ цзин» считается мудрец Лао-цзы (об историчности этой фигуры научные дискуссии ведутся и по сей день).

ниченного сознания («гриба однодневки») весь процесс жизни (пусть даже в пределах годового цикла) кажется непонятным и даже пугающим.

«Малому знанию далеко до большого. За короткую жизнь не узнать того, что за долгую. Как постичь, что это истина? Утреннему Чудесному грибу <однодневке> неведомо, что после ночи настанет рассвет, пятнистой цикаде неведомо, что бывают и весна и осень. Таковы [знания] краткой жизни.

Мы подружились бы с тем, кто способен считать небытие – головой, жизнь – позвоночником, а смерть – хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое.

Ведь для обретения [жизни] наступает [свое] время, а [ее] утрата следует [за ее ходом]. Если довольствоваться [своим] временем и во всем [за процессом] следовать, [к тебе] не будут иметь доступа ни горе, ни радость. Древние и называли это освобождением от уз»³⁹.

В своих работах по даосизму Е. А. Торчинов неоднократно обращал внимание на то, что, согласно даосскому видению, не существует жестких границ между явлениями природы и жизни в целом. В этом мире дух-сознание и материя соотносятся, как вода и пар: дух есть лишь истонченное вещество, а вещество – сконденсированный дух. И в этом аспекте даосизм очень близок воззрениям Гераклита Эфесского, постоянно указывавшего на непрекращающееся взаимопревращение всех вещей и явлений в природе. Все наполнено жизнью, все полно душ и божеств, а все сущее сложено из динамического равновесия противоположностей.

«Смерть и жизнь – они уход и возвращение: откуда мне знать – быть мертвым здесь не означает ли быть живым там?»⁴⁰

Как писал М. Элиаде, «совершенное знание – это только знание экстатическое, поскольку оно не содержит в себе дуализма бытия. Исходя из этого, Чжуан-цзы отрицал различие между жизнью и смертью: они суть две возможности или две стороны реальности и составляют единство»⁴¹.

«Добро и зло, прекрасное и безобразное, сон и бодрствование, жизнь и смерть – лишь условные и относительные понятия. Истинная реальность едина, целостна и „голографична“: в ней все присутствует во всем, в каждой части содержится все целое и все переходит во все»⁴².

Анимистическое отношение к процессу жизни и смерти Чжуан-цзы выражает в следующих строках:

«Но вдруг заболел Приходящий. [Он] задышался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

– Прочь с дороги! Не тревожьте [того, кто] превращается! – И, прислонившись к дверям, сказал умирающему: – Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого? – Куда бы ни велели сыну идти отец и мать – на восток или запад, на юг или север, [он] лишь повинуется приказанию, – ответил Приходящий.

– [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. [Если] они приблизят ко мне смерть, а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. [Если] ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: „Я должен стать [мечом] Мосе!“, [то] великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. [Если]

³⁹ Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуан-цзы / Пер. с кит. СПб., 1994. С. 123.

⁴⁰ Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 40.

⁴¹ Там же. С. 39.

⁴² Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин» / Пер. с кит., предисл., коммент. Е. А. Торчинова. СПб., 1999. С. 24.

ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: „[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!“, то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. [Если] ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания за великого литейщика, то куда бы не могли [мы] отправиться? Завершил и засыпаю, [а затем] спокойно проснусь»⁴³.

Такое мужество и стойкость перед лицом смерти архаическому человеку придавала вера в панпсихизм (представление о всеобщей одушевленности природы).

«В основе воззрений первобытного человека на природу, – писал Штернберг, – лежит твердое убеждение, что все объекты внешней природы – настоящие живые существа, а проходящие явления – либо тоже живые существа, либо произведены волей живых существ. И далее, что все эти живые существа живут и действуют, мыслят и волят подобно ему самому, то есть антропоморфны. Все, что кажется на первый взгляд неподвижным, лишенным жизни и разума, является таковым только по виду, временно, храня в себе потенциальную силу проявлять по произволу, когда это понадобится, жизнь и деятельность, подобно ежу, превращающемуся в твердый колючий клубок, когда ему грозит опасность, и, наоборот, снова оживающему и проявляющему самопроизвольность, когда он почувствует себя в безопасности. Все – только кажущееся, и все кажущееся – реально»⁴⁴. Для первобытного человека все в мире взаимосвязано. И более того, со всем, что встречается человеку в жизни, у него складываются личные отношения. Для него нет природы в третьем лице, нет абстрактного «оно» и неживых вещей. Все представляется архаическому сознанию как встреча живого с живым, как встреча с «ты», которое имеет собственную волю и свои особые интересы.

«Мир для первобытного человека представляется не пустым или неодушевленным, но изобилующим жизнью. Эта жизнь проявляется в личностях – в человеке, звере и растении, в каждом явлении, с которым человек сталкивается – в ударе грома, во внезапной тени, в жуткой и незнакомой лесной поляне, в камне, неожиданно ударившем его, когда он споткнулся на охоте»⁴⁵.

Анимализм (от лат. *animal* – ‘животное’) – представление первобытных людей о наличии сил, действующих в природе, в образах священных животных. Связь между животными и человеком часто основана на идее родства духов в звериной форме и человека. Отсюда – способность шаманов превращаться в особые животные, «нагвалей»⁴⁶.

Фетишизм – вера в сверхъестественные свойства неодушевленных предметов-фетишей (деревьев, пещер, орудий труда и культовых предметов). Э. Б. Тайлор определил фетишизм как учение о духах, воплощенных в тех или иных предметах либо имеющих непосредственную связь с такими предметами. Духи используют фетиши, чтобы через их посредство оказывать магическое воздействие. Фетиш – это своеобразноеместилище духовной силы, сосуд, в котором незримо пребывают духи и используют как свое орудие. Это внешнее выражение незримых магических сил и их носителей.

Вера в фетиши сохраняется и в наши дни – в виде амулетов-оберегов. Амулетом служит предмет, которому приписываются магические свойства приносить удачу и отвращать от человека несчастья и злые чары. Одним из примеров современных фетишей можно считать подкову, которую прибивают над дверью – «на счастье». В доколумбову эпоху амулеты и фетиши были чрезвычайно распространены. Кстати, именно они породили легенду о знаменитом «золотом человеке» – «Эльдорадо».

⁴³ Мудрецы Китая. С. 162, 163.

⁴⁴ Штернберг Л. Я. Первобытная религия. Л., 1936. С. 7.

⁴⁵ Франкфорт Г. и др. Указ. соч. С. 26.

⁴⁶ О нагвалях у нас еще пойдет речь в главе о духах – покровителях шамана.

Хуан де Гуатавита, племянник индейского вождя (он принял христианство и помог испанцам понять многие обычаи индейцев), пишет:

«Славились также и другие золотые вещи, без которых не обходился ни один индеец... и назывались они „туно“... это человечек размером с ладонь. Из золотой проволоочки делался рот, нос и уши. Руки-проволочки держали разные предметы: если это воин – копье-металку или лук и стрелы; если правитель – скипетр; если тунхо – женщина – ребенок или ткацкий станок. И сотни таких фигурок христиане отыскивали в храмах, озерах, святилищах и алтарях. И было им непонятно, почему мы закапываем золотых человечков и прячем их в жертвенных копилках, и удивлялись они, до чего похожи на нас эти человечки. Наполовину угадали правду христиане. Фигурки действительно были нашими подобиями. А как могло быть иначе? Если просила женщина удачи в ткацком ремесле, то заказывала деревенскому ювелиру тунхо-женщину с прялкой в руке. Просил земледелец урожая и получал от ювелира тунхо-мужчину с мотыгой и киркой. А славные воины заказывали фигурки с веревкой через плечо, чтобы взять в плен знатных иноплеменников... без этих человечков ни одно моление не доходило до богов»⁴⁷.

Магия – вера в способность человека колдовским (сверхъестественным или естественным, но не описанным и не объясненным еще современной наукой) образом воздействовать на людей, животных и природу.

Дж. Дж. Фрезер сформулировал два принципа, на основе которых функционирует магическое мышление:

1) подобное производит подобное, или следствие похоже на свою причину (закон подобия или сходства);

2) вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта (закон соприкосновения или заражения)⁴⁸.

Гомеопатической, или имитативной, магией называется магия, когда воздействие осуществляется по принципу подобия предметов (подобное воздействует на подобное). Примером такого магического действия может служить вредоносная магия перуанских колдунов. Индейцы лепили из смеси жира и муки фигурки людей, которые по каким-то причинам вызывали ненависть. Затем эти фигурки сжигались на дороге, по которой предположительно должна была пройти жертва. Такой магический ритуал назывался «сжиганием души»⁴⁹.

Если воздействие осуществляется по принципу непосредственного контакта между предметами – это контактная магия. Обе разновидности магии – гомеопатическую и контактную – называют симпатической магией, т. к. в обоих случаях подразумевается связь вещей, воздействующих друг на друга на расстоянии.

Страх, что ногти или волосы могут попасть в руки колдуна, до сих пор еще заставляет некоторые традиционные народности прятать эти производные эпидермиса в особых местах, недоступных для посторонних глаз. Ведь согласно «закону соприкосновения», через ногти и волосы можно воздействовать и на их носителя. Кстати, отрезание пряди волос во время крещения или посвящения в монахи в некоторых христианских (и не только христианских) традициях имеет ту же магическую основу.

Для первобытного мышления контактная и имитативная, гомеопатическая магия имеют тесную взаимосвязь и особую, непривычную для современных людей логику. В наши дни современный человек воспринимает собственное имя всего лишь как условное обозначение, ярлык. В архаической культуре имя не отделялось от носителя, которому это имя при-

⁴⁷ Созина С. А. На горизонте Эльдorado! Из истории открытия и завоевания Колумбии. М., 1972. Цит. по: Гомес Л. Д. Золото Колумбии: Ювелирное искусство. М., 1982. С. 6, 7.

⁴⁸ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 20.

⁴⁹ Фрезер Дж. Дж. Указ. соч. С. 23.

надлежало. Для него оно не было абстрактным обозначением. Напротив, имя понималось как непосредственная часть самого человека, такая же как, например, глаза, зубы и другие части тела. Поэтому воздействие на имя для первобытного человека – это не столько имитативная магия (хотя по логике современного человека это воздействие должно было бы относиться к имитативной магии – как воздействие подобного на подобное), сколько непосредственно контактирующая. Первобытный человек «верит, что от злонамеренного употребления его именем он также верно будет страдать, как от раны, нанесенной какой-нибудь части его тела. Это верование встречается у разных племен от Атлантического до Тихого океана»⁵⁰.

По этой причине имя, данное при рождении, хранилось в тайне. В быту использовалось другое имя, «повседневное». Нужно быть бдительным и осторожным не только в отношении собственного имени, но также и имен других людей, в особенности врагов и мертвецов. Без крайней необходимости не следовало даже называть повседневного имени покойника. Ведь соприкосновение с именем – это соприкосновение с самой сущностью, с душой ее носителя. Помянуть имя – значит вызвать саму личность. Также не следовало употреблять настоящих имен хищников и пресмыкающихся, постоянно угрожавших жизни первобытных людей. Во время охоты тигра или леопарда именовали «кошкой». Если кого-то кусала очковая змея, говорились, что человек поцарапался колючкой. Лютого зверя называли «медведем», т. е. ведающим, знающим, где найти мед. Медведь – это заместительное имя страшного животного. Медведь – один из самых крупных и опасных хищников. Одним ударом лапы крупный бурый медведь может запросто сломать спину быку, зубру или бизону. Настоящее имя медведя было табуировано. Произнести настоящее имя зверя – значит магическим образом вызвать его, на свою беду.

«Реальность изображения – того же порядка, что и реальность оригинала, то есть она в основе мистична; такова же реальность имени. Оба случая сходны между собой за исключением одного пункта: то, что в первом случае относится к видимому, то во втором случае относится к слышимому. В остальном процесс один и тот же. Мистические свойства имен не отделяются от мистических свойств существ»⁵¹.

Так что в определенном смысле законы сходства и законы соприкосновения, причастности для первобытного архаического мышления тождественны. Изображение или имя подобны лишь с точки зрения современного человека, мыслящего логично, рационально и абстрактно. Для первобытного ума нет особой разницы между вещью или частью тела – волосами, ногтями или зубами – и изображением или именем человека или животного. Соответственно, симпатическая магия охватывает все магические действия первобытных людей.

Историческим примером вредоносной магии, связанной с воздействием на имя, могут служить глиняные чаши, на которые египетские цари Среднего царства наносили имена враждебных племен Палестины, Ливии и Нубии, имена их властителей, а также имена некоторых мятежных египтян. Такие чаши торжественно разбивались во время обряда. Египтяне верили, что, уничтожая имена врагов, они наносят им реально ощутимый вред⁵².

Не меньше, чем о своем имени, первобытный человек беспокоился о своей тени. Тень сродни душе. «Всякое посягательство на его тень означает посягательство на него самого. Если его тень попадает под чужую власть, то ему следует бояться всего. <...> У туземцев Фиджи, как и у большинства народов, стоящих на той же ступени, считается смертельной обидой наступить на чью-нибудь тень. В Западной Африке „убийства“ иногда совершаются путем вонзания

⁵⁰ *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. С. 60.

⁵¹ Там же. С. 61.

⁵² *Франкфорт Г. и др.* Указ. соч. С. 33.

ножа или гвоздя в тень человека: преступник такого рода, пойманный с поличным, немедленно подвергается казни»⁵³.

Такое отношение к изображению легко объясняет страх некоторых индейцев перед объективом фотокамеры. Несколько раз, когда я пытался делать снимки открыто, пожилые женщины из племени шипибо-конибо прятали свои лица. Причиной тому была все та же вера в симпатическую магию. Например, в Северной Америке манданы верили, что портреты такие же живые, как и их оригиналы, «что эти изображения заимствовали у своих оригиналов часть их жизненного начала»⁵⁴.

В целом можно сказать, что для первобытного мышления характерна следующая формула – *pars pro toto* («часть вместо целого»): «имя, прядь волос, тень могли замещать их обладателя, ибо первобытный человек мог в любой момент ощутить, что и тень, и прядь волос обладают значимостью человека в полной мере. Они могли предстать перед ним как „Ты“, которое является носителем индивидуальности его обладателя»⁵⁵.

Совокупность активных действий, направленных на достижение того или иного желаемого результата, именуется «позитивной магией». В противоположность ей «негативная магия» определяет то, что ни в коем случае делать не следует, дабы не навлечь негативные последствия. Негативная магия – это система табу, или магических запретов.

С магией тесно связана вера в гадания. Существуют разные виды гаданий. Среди них следующие: гаруспикация – гадание по внутренностям; скапулимантия, или омплатоскопия, – гадание по лопаточной кости (одна из разновидностей гаданий на костях; существует также гадание по панцирю черепахи); хиромантия, или пальмистрия, – гадание по ладони и т. д. В число шаманских гаданий входит гадание по положению брошенной в сторону гадаемого колотушки для бубна.

Тайлор полагал, что в «волшебных искусствах» – в магии и гаданиях – обнаруживается очевидная иррациональная ассоциация всевозможных идей или, как выразился Фрезер, эта ассоциация – результат «злоупотребления связью идей». Однако такая вера в ассоциативность, связанность и взаимосвязь однажды соприкоснувшихся элементов, кроме всего прочего, напоминает идею *квантовой сцепленности*, или *квантовой запутанности*, например фотонов, которые, будучи разделенными в пространстве, продолжают оказывать влияние друг на друга. Воздействие на одну частицу влечет синхронный отклик в другой. Это вполне соответствует второму принципу магического мышления, сформулированному Фрезером: вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Квантовые объекты ведут себя таким же образом. Однажды придя в контакт, они, уже перестав соприкасаться, продолжают взаимодействие и нелокальную взаимосвязь, которая не зависит от расстояния между ними.

Так что кто знает – быть может, представления о симпатической магии первобытных людей не столь уж примитивны.

---

⁵³ Там же. С. 62.

⁵⁴ Там же. С. 60.

⁵⁵ Франкфорт Г. и др. Указ. соч. С. 32.

Мифы и ритуалы

Миф для древнего религиозного сознания – не просто сказка или попытка объяснить и истолковать *как, почему и для чего* возник мир и человек в нем. Древнегреческий философ Плутарх полагал, что миф подобен лучу Света-Истины, который преломляется в нашем мире во всем радужном многообразии красок. В пространственно-временном измерении миф, единый в своем божественном истоке, также становится многообразен и многолик. Отсюда такое изобилие сюжетов и региональных особенностей мифа.

Мы можем выделить следующие фундаментальные, сущностные черты мифа. Миф, как полагали философы Античности, являет трансцендентную истину через божественный Логос, это теофания истины⁵⁶, т. е. ее божественное нисхождение в мир людей посредством вселенского Логоса. *Mythos* в переводе с греческого – ‘слово, рассказ’. Как сказал один герой романа Дж. Фаулза «Волхв», «вселенная существует потому, что длится рассказ, а не наоборот». Пока длится божественный рассказ, пока он воспроизводится, мир существует. А тот, кто рассказывает истории и творит миф, правит миром.

Мифологическое сознание пронизывало собой всю действительность и все аспекты душевной, морально-этической и физической реальности архаического человека. В более общем смысле миф – это способ объяснить мир со всеми его особенностями, это ответ на такие вопросы, как:

- Что было до рождения человека? Откуда и как появился мир со всеми его обитателями? Зачем и почему все существует так, а не иначе? Кто дал человеку знания об использовании огня, ремеслах, социальных законах и т. д.? (Космогонические, астральные, теогонические мифы, мифы о культурных героях.)
- Почему одни сезоны в природе сменяют другие, почему существуют временные, суточные и жизненные циклы – рождение – смерть – возрождение? (Календарные мифы.)
- Что ждет людей после их смерти? Что будет с миром? (Эсхатологические мифы.)

Миф – это не просто история о далеком прошлом. Миф показывает и указывает, как все должно быть. Но даже в большей степени это повествование о том, как все есть в своей идеальной сущности, сути вещей и явлений. Миф связывает архаического человека с Первобытием и Перводействиями, т. е. с образцами и архетипическими образами всей эмпирической реальности. Мифы – это энциклопедия жизни древнего человека. В этой энциклопедии можно найти ответы на все главные вопросы бытия. Миф повествует об устройстве богами всей жизни, дает ответы на вопросы, *как и почему* все возникло.

С точки зрения современного человека, объясняющие мир мифы первобытных людей кажутся примитивными и нелепыми. Однако неизвестно, как будут смотреть на наши научные объяснения мира люди будущего. Возможно, они также будут смеяться над «нелогичностью» и «абсурдом» наших высоконучных умопостроений. Быть может, это вечный конфликт «отцов и детей». И происходит он по причине эволюции научных знаний о вселенной и человеке.

Но возможно и другое толкование. Очень может быть, что, объясняя мир, мы не открываем некие объективные и независимые от нас законы и причины возникновения тех или иных явлений, а сами коллективно творим эти законы и мир, в котором живем и который воспринимаем. Объяснение – лишь способ санкционировать, легитимировать (узаконить) сотворенное. Тому есть немало подтверждений и в самой науке (квантовая физика). Мы воспринимаем только то, во что внутренне искренно (и обычно – бессознательно) верим. Конечно же, далеко не все, во что мы верим, воспринимаемо. Но зато все, что мы воспринимаем, – продукт нашей веры: наших убеждений, устремлений, ожиданий, чаяний и предвкушений. «Как смотрят на

⁵⁶ Светлов Р. В. Древняя языческая религиозность. СПб., 1993. С. 5.

вещь, такой она и представляется», – говорил гуру Ринпоче (Падмасамбхава – великий йогин, которого старые школы Тибета почитают вторым буддой). Вера не противоречит знанию и опыту, но является их причиной. Всякого рода объяснения в этом контексте – всего лишь средство для обоснования, утверждения и рационализации предметов нашей веры, наших «необоснованных» и часто неосознаваемых постулатов. Внешние «потому что» и «из-за того что» (то есть поиск обоснований) вторичны по отношению к тому, *как и во что* мы верим (априорные, доопытные установки). Популярный американский писатель Н. Д. Уолш однажды сказал: «Некоторые говорят: пока не увижу, не поверю. А Я говорю тебе: пока не поверишь, не увидишь». Отметим также, что вера невозможна без самой способности верить. А эта способность коренится в свойствах нашего ума, в возможности представлять нечто, что даже не обязательно существует в окружающей нас действительности, т. е. умение фантазировать (об особом магическом воображении шаманов мы еще поговорим позже). Однако если фантазия – продукт представления, которое еще не имеет воплощения в действительности (в практике), то наша фундаментальная вера (осознанная и неосознанная) – причина всего, с чем мы имеем дело в нашем опыте и что мы фиксируем в вербально (словесно) оформленном знании.

Проще говоря, наше наблюдение – это не фонарик, которым мы освещаем в темноте объективно существующие предметы. Наш фонарик-внимание высвечивает только то, что мы ожидаем увидеть в этой темноте. А ожидание – это и есть наша вера («Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11: 1)), наше *предчувствие*. Что мы ожидаем воспринять, то и предстает нашему взору. Интерпретация – лишь обобщение увиденного, закрепление его в некоей иллюзорной матрице, т. е. мифе, который служит генератором еще большей веры и *предвидения*. В некотором смысле гипотеза оказывается тождественной теории (др. – греч. θεωρία буквально означает ‘созерцание, рассмотрение, умозрение’, а θεωρος – ‘наблюдатель, очевидец, свидетель’). Разница между гипотезой и теорией лишь в степени интенсивности воздействия содержащихся в гипотезе идей на наше сознание (индивидуальное и коллективное). Вот почему во всех религиях придается такое большое значение вере. Вера, в конце концов, формирует саму нашу жизнь, поскольку она – «осуществление ожидаемого». От нашей веры зависит то, в каком мире мы будем жить. «...По вере вашей да будет вам» (Мф 9: 29).

Однако если вера творит миф, то миф со своей стороны структурирует, формирует сознание человека. Миф оказывается до-рефлексивной установкой, матрицей, совокупностью априорных утверждений. Если миф – это *рассказ*, то всякий рассказ подчиняется неким условно-априорным *грамматическим правилам*. Грамматические правила многих мифов – это коллективное бессознательное (причем не обязательно в юнговском смысле), т. е. вся совокупность верований и постулатов, которые не воспринимаются нами осознанно, но тем не менее влияют на всю нашу жизнь.

В этом смысле каждая эпоха, включая нашу, творит собственные мифы, а через них и саму реальность тех, кто включен в бессознательное поле этих мифов. Иногда мифы-парадигмы разных народов сталкиваются друг с другом, подобно тектоническим плитам. Такие столкновения вызывают настоящие культурные потрясения. Поколения сменяются, сменяются и мифы-парадигмы, объясняющие возникновение и структуру мироздания, роль человека, его место в социуме, иерархию в обществе, его ценности и цели.

Существуют и другие истолкования мифа. Одно из них гласит, что миф выполняет защитную функцию психики. Объясняя мир, первобытный человек защищал себя от всего необъяснимого и пугающего. Когда человек сталкивался с чем-то таинственным, завораживающим и устрашающим (нуминозным), он стремился найти объяснение, которое позволило бы ему жить в понятном (а значит, более предсказуемом, безопасном) мире. В этом первобытный человек не сильно отличается от нас. Мы также строим всевозможные теории и предположения относительно возникновения и дальнейшей судьбы мира и нашего в нем места. Однако

целостной картины не дает ни теория Большого Взрыва, ни теория Струн, ни какая-либо другая гипотеза. Но так же, как и первобытному человеку, нам нужен *понятный* мир. Ведь понятный мир кажется более предсказуемым и управляемым. Ради понятного мира возникла фундаментальная наука как таковая. Но объяснила ли она что-нибудь достаточно внятно? Или еще больше запутала уже почти понятный мир? Миф и ритуал давали человеку чувство уверенности и стабильности. А эта уверенность в стабильности и предсказуемости помогала человеку в трудных, запутанных кризисных ситуациях (модель «витязь на распутье»), а также в ситуациях, когда человек сталкивался с чем-то тревожащим и пугающим (от звуков в темноте до природных катаклизмов). Таким образом, миф выполнял терапевтическую функцию. Миф как бы создавал *правильную настройку*, облегчал выбор практически во всех жизненных ситуациях, структурировал и интегрировал отдельного человека в универсум. Миф *рассказывал* человеку мир (миф именно рассказывал мир, а не описывал его). Миф объяснял первобытному человеку правила игры в мире. Это успокаивало человека, укрепляло его жизнестойкость и вселяло уверенность в завтрашнем дне. О важности терапевтической функции мифа, конечно же, знали и шаманы. Так, нанайские шаманы в лечебной практике использовали проговаривание мифов, воспроизводящих время творения мира и человека. Это была важная часть лечебного комплекса *дусху*⁵⁷.

Кроме того, миф выполнял социальную функцию. Миф тесно взаимосвязан со всей системой жизненных ценностей первобытных людей, поскольку он призван объяснить структуру конкретного социума, его встроенность в природу и его отношения с духовным миром. В эгалитарных, доклассовых обществах миф объяснял структуру социума, отношение к младшим и старшим, т. е. устанавливал законы родственных связей. В классовых обществах миф был призван объяснить и легитимировать иерархическую структуру. Государство и власть представляли как проекция на земле небесной божественной иерархии. По выражению современного философа Ю. Хабермаса, власть нуждается в «камуфлирующих словах», прикрывающих такое простое и понятное человеческое желание повелевать. Если в прошлом власть опиралась на мифы об избранничестве Богом или богами («помазанник Божий» или «Сын Неба», «Сын Солнца» и т. д.), то в современных обществах власть объясняет свое существование волей народа (например, «всенародно избранный президент»). Каждая власть ищет то слово (мифологию-идеологию), которое убедит подданных в ее праве на господство. И это справедливо для всех эпох и народов. Более того, там, где «камуфлирующие слова» власти перестают убеждать подданных, правительство неизбежно меняется. К слову, это объясняет, почему XXI век – это век информационных войн. Информационная победа – это победа в войне без необходимости прибегать к оружию. Подорви доверие к государственному мифу, и такое государство просто развалится. Таким образом, миф призван укреплять и поддерживать существующий социальный (и в развитых обществах – государственный) строй. Миф, как метко выразился Е. М. Мелетинский, глубоко социален и даже социоцентричен.

«Миф объяснял мироздание, его происхождение и устройство. Мифология постоянно передает менее понятное через более понятное, неуловимое через уловимое и особенно более трудноразрешимое через менее трудноразрешимое... Мифология не только не сводится к удовлетворению любопытства первобытного человека, но ее познавательный пафос подчинен гармонизирующей и упорядочивающей целенаправленности, ориентирован на такой целостный подход к миру, при котором не допускаются даже малейшие элементы хаотичности, неупорядоченности. Превращение хаоса в космос составляет основной смысл мифологии, причем космос с самого начала включает ценностный, этический аспект»⁵⁸.

⁵⁷ На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея): альбом. М., 2006. С. 50.

⁵⁸ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 171.

Таким образом, еще один практический аспект мифа – поддержание *мирового порядка, матрицы космоса*. А поддержание такого порядка осуществляется через постоянное воспроизведение мифа посредством регулярно повторяющихся ритуалов. Ритуал – это символическое повторение людьми деяний самих богов – устроителей космоса. Такое повторение нужно, чтобы поддерживать космический порядок, установленный богами в доисторические или скорее – над-исторические, универсальные времена. С одной стороны, ритуал позволяет пережить сопричастность священному миру богов, а с другой – обустроить и освятить повседневную жизнь, наполнить ее смыслом. Переживая сопричастность богам, человек как бы сам преображается в них, а через это получает их божественные силу и мудрость.

В морально-этическом плане миф и ритуал регламентировали, определяли правила поведения человека в обществе. Шаман был не только знатоком этих обычаев и правил, он также следил за соблюдением этих норм поведения, т. к. их нарушение влекло наказание со стороны верховных божеств и духов (обычно в виде болезней и других несчастий). Шаман знал мифы *на практическом* уровне, т. е. он мог правильно интерпретировать их для каждой конкретной ситуации, в которой оказывались его соплеменники. С помощью шамана миф помогал людям традиционных обществ объяснять их прошлое, находить смысл в событиях настоящего и давал направление для движения в будущее. Без мифа человек погрузился бы в хаос, а его поведение – утратило осмысленность и ценностные ориентиры.

Ритуал – это как бы проигрывание мифа в действии (или в сакральном действе). Надевая во время ритуала маску, участники действия – шаман, жрец и священник, преображенные в богов, – повторяли космогенез, т. е. сотворение мира. Можно сказать, что ритуал – это своеобразный божественный театр. Собственно, театр и возник из мира архаических ритуалов. В этом контексте миф «представляет собой своего рода либретто исполняемого драматического действия»⁵⁹. Миф и ритуал «являют как бы два аспекта первобытной культуры – словесный и действенный, „теоретический“ и „практический“»⁶⁰.

Мифы черпают свою силу в ритуале. В ритуальном богослужении воспроизводится космоустройство, само мироздание. Ритуал повествует о сущности Космоса и повторяет действия, совершенные верховными божествами в начале времен. В ритуале задействованы все органы чувств. Музыка, ритм, движения, благовоения, осязаемые образы, вкусовые ощущения священных напитков и прочее – все это необходимые составляющие ритуала. Пока воспроизводится ритуал, мир продолжает существование. В свете современной квантовой теории, гласящей, что мы воспринимаем только то, что ожидаем увидеть, т. е. то, во что мы верим, такое отношение к ритуалу оказывается вполне оправданным. Ежегодное напоминание себе в новогоднем ритуале о том, каким образом возник и поддерживается мир, – способ этот мир воспроизводить, не дать ему раствориться в хаосе. Миф и ритуал не просто описывают и напоминают о космическом порядке, а действительно *хранят* этот мир от всепоглощающей энтропии. Этот космос – согласованная картина реальности, картина мира, которая рисуется мифом и ритуалом на холсте бездонного и безграничного Хаоса-Пустоты.

Миф в контексте ритуала – вербальная составляющая. Это действие в проговаривании священного ритуала поддержания Космоса – Вселенского Порядка. Ритуал – «проговаривание» в действии. В целом и ритуал, и миф обеспечивают как космический, так и внутриобщинный порядок, поскольку законы общества неотделимы от законов всего Космоса.

⁵⁹ Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. 1980.

⁶⁰ Там же.

Космос и хаос

Для архаического мировосприятия принципиально важна целостная динамическая картина мира, поддерживаемая через ритуал. Мир – это многомерный узор, где все части взаимосвязаны, где нет никаких разрывов. Одно перетекает в другое. На примере *брахман*, священных комментариев, объясняющих древнеиндийские ведические ритуалы, это видно очень отчетливо.

Космический порядок – это достаточность (отсутствие недостатка), непрерывность. Эта непрерывность структурирована особым образом, в ней прослеживаются ясная организованность, цикличность, ритм. Все должно иметь свое место, свои пределы и образовывать с другими составляющими единую целостность. Всякий выход за свои пределы чреват нарушением космического баланса. Космический порядок, называемый в Ведах *ṛita* (от санскр. *ṛita*, или *ṛta*, произошло слово «ритуал»), а в постведийской Индии *дхарма* – это структурированная, разграниченная полнота, сакральная полнота или мандала (Священный Космос). Дхарма – это связность и непрерывность мира, в котором действует Закон, согласно которому все имеет свой статус, качества и функцию. Так возникает чувство долга – соответствие своей роли, своему идеальному образу. Каждый индивид выполняет свой собственный долг, вытекающий из его общественного статуса.

Земля и полнота – два способа обозначения бытия: на санскрите Вед одно из имен земли – *бхуман*. Бхуман означает ‘множественность’, ‘бесконечное изобилие’. Таким образом, «земля» и «изобилие» – *bhūman* с ударениями на разных слогах – производные от одного корня *bhu* – ‘быть’⁶¹.

Бытие – качество земли – это плотность, твердость, насыщенность, наполненность. Архаическое сознание исполнено любовью к земле и отождествляет землю с самой жизнью, полнотой бытия.

Пусть дождь откормит землю, чтобы на ней было изобилие пищи, людей и скота. Пусть на ней будет полно пищи, риса и ячменя, и пусть деревни касаются друг друга, а дороги пересекаются. Пусть поколения следуют друг за другом, нанизанные как на нить, без разрывов, а в земле не будет дыр⁶².

В этих намерениях древних индийцев мир видится как непрерывное, сотканное едиными нитями полотно, с единым целостным узором. В этом узоре отражается космический порядок. Неудивительно, что узоры и орнаменты встречаются практически во всех архаических культурах. Они отражают саму философию архаического сознания – игру контрастов, плавное перетекание одних линий в другие, линий, образующих форму всего видимого и невидимого мира.

Космическому порядку *ṛita* (*ṛta*) противостоит *ниррити* (*nirṛiti*) – ‘беспорядок’, ‘дезорганизация’, ‘разъединение’. Это дыры, лакуны, разрывы, бездны, которые должны быть устранены в медитативном ритуальном действе. Ниррити – это зло, с которым нужно бороться и которого следует избегать.

Представления о добре и зле прежде всего связаны именно с отношением того или иного существа к космическому порядку. Те, кто стоит на стороне вселенского порядка, блага (авест. аша, вед. *ṛta*) – это ашаваны, а нарушители порядка, вносящие диссонанс в гармонический аккорд космоса – другванты, приверженцы лжи (от авест. друг и санскр. *друк* – ‘враг, вредитель’).

Нередко в мифах первобытных людей первыми, кто устанавливает вселенский порядок, выступают боги, первопредки, демиурги и культурные герои. Они учреждают природный поряд-

---

⁶¹ Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в Древней Индии. М., 2005. С. 98.

⁶² Маламуд Ш. Указ. соч. С. 98.

док (разделение земли и неба, дня и ночи, регулирование приливов и отливов, смены зимы и лета) и социальные правила (дуальная экзогамия, брачные отношения и т. д.). Их противники – разнообразные чудовища и хтонические демоны, которые пытаются уничтожить вселенский порядок и повергнуть мир в изначальный хаос.

Хаос – это не беспорядок, не энтропия. Для понятия «беспорядок» у древних греков имелось другое слово – акосмия. В архаическом сознании Хаос – вечная ночь, пустота, зияющая бездна, темные воды океана. Слово «хаос» образовано от греческого ха в значении ‘зияние’, ‘разверстый зев’. В Античности хаос стал отождествляться с водной стихией (этимология от глагола хео – ‘лить’, ‘разливать’). Хаос, таким образом, – это не антикосмос и энтропийный беспорядок, а могущественный источник, воды, существовавшие еще «до начала времен», родник, который дал жизнь всему сущему⁶³.

Священная книга народа киче цивилизации майя «Пополь-Вух» начинается с метафорического описания Хаоса: «Это – рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности, все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто... Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо. Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес. Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе. Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего. В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание»⁶⁴.

«Превращение безвидного хаоса в организованный космос оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию»⁶⁵.

Согласно представлениям античных философов, Хаос рождает Космос посредством Логоса, или Слова. Слово, или Разум, структурирует и оформляет все сущее. В том же «Пополь-Вухе» мы читаем: «Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах... По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес – таково имя бога и так он назывался. Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещаясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли. И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек»⁶⁶.

Именно разум, вселенский Логос, позволяет появиться не только Космосу, но и человеку – этой срединной сущности, в которой объединились Небеса и Земля.

Хаос не исчезает с появлением Космоса. Он продолжает питать Космос и является источником его силы. Вот почему в ритуалах необходимо циклическое погружение в Хаос. Космос, можно сказать, питается внепространственной и вневременной силой, энергией Хаоса. Эта энергия постепенно рассеивается, и Космосу нужно снова «нырять», погружаться в Хаос за свежей порцией живительных сил.

Здесь будет уместно вспомнить Кастанеду и его мудрого учителя Дона Хуана. Гений Кастанеды хорошо чувствовал главную архаическую концепцию Хаоса-Космоса. Кастанеда выразил эти идеи, используя слова атекского языка науатль – *тональ* и *нагваль*. Вот как

⁶³ Светлов Р. В. Указ. соч. С. 78, 79.

⁶⁴ Пополь-Вух / Пер. с киче Р. В. Кинжалова. М., 1993. С. 10.

⁶⁵ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 202.

⁶⁶ Пополь-Вух. С. 12.

поучает своего ученика Дон Хуан в книге «Сказки о Силе»: «Тональ – это организатор мира. Может быть, лучшим способом описания его монументальной работы будет сказать, что на его плечах покоится задача приведения хаоса мира в порядок». Легко увидеть, что речь здесь идет о мировом разуме, Логосе мира. «Нагваль – это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела. <...> Нагваль – это та часть нас, для которой нет никакого описания. Нет слов, нет названий, нет чувств, нет знания». Нагваль, в понимании Кастанеды, – не что иное, как архаический Хаос, Мировые Воды, в которых рождаются «островки тоналей» и которые наделяют их силой. В некотором смысле каждый имеет свой собственный космос, свой тональ. Такой «тональ начинается с рождением и кончается со смертью. Но нагваль не кончается никогда. Нагваль не имеет предела. Я сказал, что нагваль это то, где обитает сила». Тональ – остров. Нагваль – океан, который этот остров (острова) окружает.

Приглядевшись, мы увидим, что Хаос как источник и условие (основа) существования Космоса просматривается во многих мистических школах древности. В одних учениях пропагандировалась устремленность к Хаосу (нетварному состоянию абсолютной реальности), в других – к Космосу (проявлению-творению множественного упорядоченного мира).

В 2002 г. Е. А. Торчинов написал трансперсональный роман «Таинственная Самка». Увы, этот роман так и не был опубликован. Тем не менее фабула его чрезвычайно интересна. В книге показана гностически-каббалистическая битва двух сил – сторонников Космоса и сторонников Хаоса. Начинается роман следующим прологом:

«Свет, один лишь Свет, бесконечный, безграничный сиял до начала начал всех времен и не было ничего, кроме Света. И возжелал Свет создать миры, но не было места для миров, ибо Свет был всем и не было ничего, кроме Света. И тогда Свет сократился, ушел из центральной точки (но где центр Бесконечности, не повсюду ли в равной мере?) и там, откуда ушел он, возникла зияющая пустота ничто, разрыв в основах ткани бытия. И вот туда, в лоно миров, Свет направил свой луч творящий, миры сотворяя им, словно кистью художник. И так появилось соцветие вселенных.

Но возжелал творить не весь Свет безначальный. Боренье в нем самом возникло и раскололось бытие, само себе ответить не способно на вопрос, творить или не творить. Часть Светов восприняла творенье словно бунт против предвечного покоя Абсолюта и отвергла даже мысль о том, чтобы участвовать в творении. Тогда творящий Свет, преодолев сопротивление Света, отвергшего творение, его связал своим могучим Словом и вверг в пустотное пространство небытия, в глубины бездны пустоты ничто, там заточив его. С тех пор Светы, отвергшие творение, подобные драконам светозарным, таятся там, мечтая выйти на свободу и возвратиться к незыблемому покою Абсолюта. И иногда, лишь крайне редко, тонким излучениям отвергшего творение Светам удается освободиться из темницы и выйти в мир, ими ненавидимый премного. И если так случается, то мир бывает подвержен потрясениям немалым».

Великое противостояние сторонников Хаоса (предвечного покоя безвидного Абсолюта) и Космоса (творческой и упорядочивающей божественной активности) – центральная мистико-магическая дилемма. В другой работе Торчинов обращает внимание на космоцентрическую тенденцию даосизма: «Само понимание онтологической первоосновы как источника телесной жизненности, а возвращения к этой первооснове – как центрального пункта обретения бессмертия (ибо именно из ее небытия, ничто, покоя, мрака адепт будет творить новое бытие, из нее рождается просветленность) еще раз подтверждает отличие средневекового даосизма от буддизма, несмотря на все влияние последнего. Дело в том, что общим направлением эволюции даосизма был рост его „спиритуализации“ и „психологизации“, причем не последнюю роль в этом процессе сыграл буддизм. И все же медитативные приемы даосизма, направленные на постижение вечной истины Дао, в конечном счете венчались, по представлениям последователей даосизма, одухотворением телесности и обновлением, после которого преображенный адепт вновь возвращается в свой сакрализованный космос, зиждущийся на этой

таинственной первооснове, блистающий всеми красками и отнюдь не желающий терять свое многообразие и исчезать ради некоей реальности высшего порядка»⁶⁷.

Даосизм был «вскормлен» шаманизмом, «...экстатическая техника даосов генетически восходит к шаманизму»⁶⁸. Экстатический шаманский опыт питал поэтические образы и метафоры даосизма. Путешествие к Истоку всех вещей – главное в мистическом опыте даосов. «Это экстатическое путешествие представляет собой возвращение к „началу“ всего сущего; избавляясь от времени и пространства, дух обретает вечное настоящее, которое превосходит жизнь и смерть. Речь идет о переоценке и углублении шаманского экстатического состояния. Впадая в транс, шаман также преодолевает время и пространство: он взлетает к Центру Мира, он оказывается в том золотом веке, до „падения“, когда люди могли подниматься в небо и встречаться с богами»⁶⁹.

Предвечный Хаос (абсолютное умиротворение, предвечное Дао⁷⁰), таким образом, может рассматриваться не как цель, а как своего рода источник творения, обновления и просветления. Этот источник невозможно описать. Он апофатичен (др. – греч. *αποφατικός* – ‘отрицающий’), он *не то и не другое*. Лао-цзы говорит о Дао так: «...Смотрю на него – и ничего не вижу. Вслушиваюсь – и ничего не слышу. Ничего не нахожу – лишь неделимое... Оно невидимо и не может получить имени»⁷¹. «Темное, еще более темное, чем сама Тьма крошечная». Но это Тьма, этот Зев Хаоса – источник созидания, поэтому она описывается даосами как Сокровенная Самка:

Ложбинный дух бессмертен.
Называют Сокровенной Самкою его.
Врата той Самки Сокровенной —
корень бытия, из коего рождаются Небо и Земля⁷².

То же описание Абсолюта как безвидной пустоты мы находим и в Древней Индии. Пустота в данном контексте – не отсутствие чего-то, а невозможность описания средствами человеческой речи. Абсолют, как говорят древнеиндийские мудрецы, *не таков и не таков* (*neti neti*). Есть только два способа описания Абсолюта – молчание и апофатические утверждения о никчемности абсолютной реальности. Французский санскритолог и специалист по древнеиндийской культуре Ш. Маламуд так пишет о восприятии Абсолюта древними индийцами: «И если мы зададимся вопросом о том, где Абсолют обнаруживает себя, если мы исследуем пути, ведущие к нему, то заметим, что речь идет только о пустом: симптомы полноты, являющейся Абсолютом, это интервалы, дыры, полости, промежуток между землей и небесным сводом, все пространства, все то, через что *атман* прокладывает свой путь. Любая щель – это бездна, а бездна, хотя она всегда сохраняет что-то от разделительной функции интервала, есть вмещилице Абсолюта. И чтобы достичь Абсолюта, т. е. освобождения, неизменно предполагается тот или иной способ создания пустоты внутри себя и прежде всего вокруг себя»⁷³. Дыра, пустота,

⁶⁷ Чжан Бодуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Е. А. Торчинова. СПб., 1994. С. 74.

⁶⁸ Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 38.

⁶⁹ Элиаде М. История веры и религиозных идей. С. 39.

⁷⁰ «Истинная реальность „хаотична“ (хунь-дунь), но не в смысле своей неупорядоченности, а в смысле полного единства, простоты и целостности. Это мир, где все присутствует во всем, где „это“ заключено в „том“, а „то“ – в „этом“. В этом мире субъект и объект не унижены и не растворены друг в друге, хотя и всякое противостояние их полностью исчезло, мир, не знающий противоположности „я“ и „другого“» (Торчинов Е. А. Даосизм. С. 113).

⁷¹ Там же. С. 36.

⁷² Там же. С. 230.

⁷³ Маламуд Ш. Указ. соч. С. 115.

пространство, говорит «Бхагавата-пурана», – это характерный знак атмана. Брахман – это пространство, гласят Упанишады. Вот оно – «зияние» и «разверстый зев» Хаоса!

Абсолют – это дырочка в сердце, пустота в его центре, присутствие Хаоса в самой сердцевине жизни. «Именно в пространстве внутри сердца он (атман) и живет, господин всего, владыка всего, повелитель всего... Он мост, служащий границей для разделения миров»⁷⁴. Согласно тибетскому мистическому учению Дзогчен⁷⁵, Абсолют представляет собой единую для каждого индивидуального сознания природу. Это Ясная Светозарная Сияющая Пустота, проявляющая спонтанную лучезарную активность. Переживание этого состояния – за гранью индивидуальности, за гранью деления на «одно» и «многое» (то есть категории множественности), оно неизмеримо и неопишимо. Не существует «единого существа», «единой личности», «всеобщего индивида». То, что называется изначальным буддой Самантабхадрой (тиб.

Кунту Сангпо, или Зангпо (Kun tu Dzang po) 'Всеблагод', или Адибуддой, – подчеркивает Ринпоче, – лишь метафора нашего истинного состояния. Самантабхадра обозначает наше изначальное чистое состояние, он не должен толковаться как единый всевышний бог-творец. «Истинное состояние за пределами числам. Если мы думаем в терминах отдельного „существа“, значит налагаем ограничения и, соответственно, всё усложняется. <...>...это знание, а в знании нет даже понятия об „одном и двух“, иначе мы уже вступили бы в двойственность. Понятие „индивидуальности“ также предполагает двойственное видение»⁷⁶.

Для мистиков космобежного плана (древнеиндийские *мукти* и *лесные отшельники* и т. д.) главной целью является освобождение от «оков жизни». Их идеал – *мокша*, или освобождение от круговорота рождений и смертей. Мокша для них – совершенное блаженство, постоянство, однородность, осознание недвойственности индивидуальной души, атмана, и космического Абсолюта, брахмана. Космостремительные мистики посвящают свои жизни отрешению от мира и опустошению сознания. Они погашают все свои желания, избавляются от всех привязанностей.

Для мистиков космоцентричного плана (жрецы, брахманы, маги, этнические шаманы и т. д.) не стоит задачи окончательно растворить свою индивидуальность в имперсональных безвидных Божественных Недрах (Абсолюте). Погружение в Абсолют – это, скорее, процесс обожения, способ преобразиться, стать неискаженным образом того, кто образа не имеет. Библейское «по образу и подобию» вовсе не означает образ другого образа, копию. Это значит образ того, кого не видел никто и никогда, т. е. Бога. Бога может проявить только его откровение – чистый образ, или образец праведности. Чистый образ Божий служит мерилем праведности, открывающей путь к счастью единения с Богом (но не растворения в нем) и вечной просветленной жизни (Царствие Божие). В момент единения совлекается «ветхая плоть», «ветхий Адам» и происходит онтологическое преобразование индивида.

Антитеза аскета-отшельника (сторонники Хаоса) и жреца (сторонники Космоса) – центральная тема противоположных устремлений в духовной жизни человечества. Поиск примирения между «пустынниками» и «космистами» воплощался в религиозной практике по-разному. В Индии была разработана теория ашрамов и трех основных целей жизни *три-варга*. Как говорится в классическом тексте Камасутры, поистине, пусть человек стремится к трем целям (*пурушартхи*), распределив между ними время и сочетая их так, чтобы одна не вредила другой: *артха*, *кама* и *дхарма*, ведущая к *мокше*. Это суть *три-варга* (три цели), или *чатурварга* (четыре цели, если рассматривать в качестве цели *мокишу*).

⁷⁴ Там же. С. 116.

⁷⁵ Строго говоря, Дзогчен – это не название какой-то религии, философии, школы или секты, а изначальное состояние человека, именуемое Великое Совершенство, или Дзогчен. Однако, дабы не усложнять терминологию и не вводить понятие дзогчен-общины и т. д., мы будем называть этим термином как учение с набором всех техник достижения, реализации Великого Самоосвобождения, так и само это состояние изначальной недвойственности, природу ума.

⁷⁶ Норбу Ч. Н., Клементе А. Всевышний Источник. Коренная тантра Дзогчен «Кунджед Гьялпо». М., 2001. С. 281, 282.

Дхарма (от санскр. dhar – ‘держат’ – метод, наука, правила, придерживаясь которых, мы достигаем, реализуем *мокши* (от санскр. muc – ‘освободить’) – освобождение от страданий, привязанности и неосознанных привычек, разотождествление с физическим смертным телом и всеми кармическими вовлеченностями, постижение изначальной природы ума и всех явлений.

Артха (санскр. artha – ‘суть’, ‘польза’) – бизнес, дело, материальное процветание, приобретение знаний, земли, золота, друзей и прочего и умножение приобретенного. «Основа всех предприятий – должные средства, ибо от них зависят людские дела. Нет успеха у бездействующего».

Кама (санскр. kāma – ‘любовь’) – действие, приятное для слуха, осязания, зрения, вкуса, обоняния, чувственные наслаждения. Это искусство наслаждения тем, что воспринимаемо органами чувств. Искусство наслаждения без порабощения страстью и привязанности к удовольствиям.

Человек, следующий и артхе, и каме, и дхарме, без труда достигает и здесь, и в том мире бесконечного счастья.

Жизнь в Древней Индии представителя высшей варны – брахмана – делилась на четкие периоды (ашрамы)⁷⁷. Система ашрамов ведет к осуществлению четырех *пурушартх* – основных целей жизни (дхармы, артхи, камы и мокши).

Первый период – стадия ученичества, брахмачарина (*брахмачарья* – жизнь ученика) – наступал, когда ребенок проходил инициацию и становился учеником. Он изучал священные тексты Вед (Священных Знаний) в доме учителя, поддерживал огонь в очаге и заботился об учителе. Это время активной артхи.

Второй период – стадия *грихастха* (семейная жизнь) – наступал, когда, закончив период ученичества, человек женился. На этой стадии человек должен был овладеть искусством любви (Камасутра), родить детей, обустроить дом, исполнить свой гражданский долг. Это время активной камы.

Третий период – стадия *ванастха* (уход от мирских дел) – наступал, когда, говоря современным языком, человек уходил на пенсию. С женой или в одиночестве человек становился лесным отшельником. На этой стадии следовало готовить плоть к смерти через ее усмирение, а дух готовить к встрече с Великим Неизреченным. Третий период – время активной практики дхармы, йогическая аскеза. Время для практик перехода к умиранию и смерти.

Четвертый период – стадия санньясына (*санньяса* – жизнь в уединении, в отречении от дел бренного мира). В этот период надлежало полностью предаться аскезе и духовному подвижничеству. Четвертый период – путь к мокше и возвращение к Брахману – изначальной природе всего сущего, постижение единства Атмана и Брахмана.

Можно сказать, что первые две стадии (ашрамы) относятся к космоцентрическому подходу, а две последние – к космобежному.

В христианском мире между космобежными «пустынниками» и социальными «космистами» гармония осуществляется через сосуществование под одной монастырской крышей отшельников (*идиоритмиков*) и общинников (*киновитов*). Идиоритмики – от др. – греч. *idio-* + *rhythmic* – букв. ‘тот, кто обладает своим собственным ритмом и стилем’. Это понятие в основном используется в восточных христианских церквях для описания монахов-отшельников, которые живут обособленно, а не в монастыре или общине. Киновиты – монахи-общинники. Название происходит от греч. *koinos bios*, что означает ‘совместная жизнь’. Конечно, и общинники-киновиты, и отшельники-идиоритмики в каком-то смысле были одинаково космобежны, т. к. они были монахами, т. е. людьми, отказавшимися от радостей земной жизни. Для того чтобы те, кто совсем «не от мира сего», могли уживаться с теми, кто «в мире», в христи-

⁷⁷ Альбедиль М. Ф. Регламентация поведения в связи с четырьмя стадиями жизни в индуизме // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 68.

анстве была придумана система «белого и черного», т. е. белого священства и черного монашества. К белому духовенству относятся женатые священнослужители, не дававшие монашеских обетов. Им позволено иметь семью и детей. К представителям черного духовенства относятся те, кто принял обет безбрачия – celibat.

С понятием «Космос-Хаос» связано ядро архаических ритуалов. Ритуал инициации и трансформации через символическую и (или) экстатическую смерть, погружение в Хаос, а затем возрождение был обязательной частью религиозно-мистической жизни всех народов мира. Так, в позднеантичные времена во время мистерии Исида посвящаемый нисходил в подземный мир (вспомним, что и Иисус Христос, по преданию, после смерти на кресте нисходил во ад). В подземном мире посвящаемый поклонялся подземным богам, а затем восходил в мир Небесный, где видел свет в абсолютной мгле. Проходя все ступени космогонической жертвы, посвященный становился носителем ритуальной чистоты, сотрапезником богов, для которого было уготовлено место на полях Элизиума. Посвященный входил в Хаос (умирал), трансформировался и возвращался к новому, божественному Космосу (Божественному Порядку и Закону). Космогония сливалась с психогонией.

Два божества античной Греции – Дионис и Аполлон – представляют собой Великий Вселенский Миф-Ритуал, Миф Трансформации. Как заметил Р. В. Светлов в книге «Древняя языческая религиозность», с Ф. Ницше началось противопоставление «дионисийского» и «аполлоновского» состояния сознания. Тем не менее для архаического сознания противопоставления «дионисийского» и «аполлоновского» не существовало.

Дионисийские культы были культами ночных божеств. Культ проявлял пограничное, докосмическое состояние природы. Дионис связан с ночью, с хтонической тьмой, предшествующей космическому порядку. Он бог той стадии мира, где все зыбко и непроявлено⁷⁸. Однако же погружение во тьму смерти и распада – не самоцель. За ночью следует рассвет. Смерть бога провозглашает одновременно и новое рождение («смертию смерть поправ»). На завершающей стадии дионисийских мистерий посвященные с факелами в руках выходят к утренней заре – символу состояния *Накануне Космоса*⁷⁹.

Аполлон в свою очередь является главой «дневных» культов. Он – владыка Космического Порядка, Космической Целостности. Имя Аполлон (а-полла) переводится с древнегреческого как ‘немногое’, ‘единое’. Аполлон был рожден на острове Астрий от богини Лето и Зевса. До рождения бога этот остров не имел своего места в мироздании, а потому беспорядочно раскачивался волнами Океана. С рождением Аполлона остров наконец получил свое место и остановился посреди моря, получив новое имя – Делос.

Если Дионис – бог растворения сакральной субстанции во тьме Ночи, то Аполлон знаменует новый этап – созидания и упорядочивания, установления Центра (Омфал – ‘пуп’) и Стабильности. Аполлон-Мусагет покровительствует созидательным, «дневным» силам, а именно гармоничной мудрости – искусствам. То есть – Космосу.

Вселенский порядок и есть для архаического человека Истина, Благо и Красота, поскольку в космическом порядке воплощен идеал соразмерности частей и гармонии всех элементов. Посредством ритуала индийский брахман (как и шаман) обновляет порядок в пространстве и времени в конце каждого цикла (прежде всего годового, эпохального), когда энтропийные силы вновь обретают силу. Так, неопределенное, неорганизованное время, совокупность хаотичных мгновений упорядочивается посредством введения понятия «год». В процесс времени привносится смысл, устанавливается цикличность, ритм времени. Полный цикл ритуалов разворачивается в отношении к астрономическому году. Именно в течение года

---

⁷⁸ Светлов Р. В. Указ. соч. С. 84.

⁷⁹ Это состояние было явлено в кино гениальным режиссером Стенли Кубриком в образе Космического Эмбриона, возникшего в результате Великой Трансформации («2001 год: Космическая Одиссея»).

мир обновляется и проходит малый цикл своего существования. Таким образом, аморфная, неуправляемая временная размытость структурируется в Космический Цикл времени, главной единицей которого является год.

Кроме аскетов-отшельников и жрецов на всем протяжении истории духовной жизни человечества присутствовала еще одна фигура – шаман. Шаман выступал как примиритель противоположностей, как посредник между мирами. «Такой мудрец стоит одной ногой в мире отсутствия и безмолвия сверхсущего Дао, а другой – в мире перемен и превращений»⁸⁰.

Шаман⁸¹ не видел необходимости противопоставлять Хаос и Космос. Хаос и Космос не отрицают друг друга, они как две стороны, два аспекта одной целостности. Если есть аспект Пребывания, должен быть и аспект Становления. А Логос – это инструмент перехода из Хаоса в Космос. Тем не менее и Хаос, и Логос, и Космос – не какие-то разные вещи, но представляют собой не дифференцированное единство Абсолюта и относительно-феноменального мира⁸². Если есть небо, то в небе должно быть место и солнцу, и планетам. Хаос – не жизнь, но источник жизни, а Логос – ее оформитель, устроитель и организатор⁸³. Зачем противопоставлять одно другому – потенциальное актуальному, непроявленное проявленному, недвойственное двойственному, иррациональное рациональному?

Смерть для мудреца – не ужас окончательного распада, а способ обновиться, напитаться живительной силой Хаоса. Ритуалы смерти и возрождения, так же как и обычный человеческий сон, – это малая смерть-возрождение. И нужны они нам, чтобы обновляться и получать отдохновение в Океане Хаоса. Но, отдохнув, зарядившись силой, мы можем снова просыпаться к жизни, к космосу, к деятельности.

Итак, согласно архаическим представлениям, Хаос – это до-космическое божественное состояние. Он порождает, вскармливает и охватывает Космос, подобно тому, как бездонный океан объемлет остров. Все возникло из Хаоса (а в концепциях циклического возникновения мира – все неминуемо вернется в Хаос, чтобы затем снова из него проявиться). Хаос непersonифицируем, незрим и неопределим. Он порождает Хтонию-Гею (мировой «земляной зародыш», яйцо, семя всего сущего). В демиургическом акте (главном космическом ритуале, программирующем реальность) Логос превращает неразделенное целое «земляного зародыша» в структурно организованный Космос, в котором каждая часть целого получает свое имя и законное место в пространстве-времени. В ритуальном действии шаманом (жрецом, священником) регулярно обновляется программа (закон, Рита, Аша, дхарма) общественных устоев и всего Космоса в целом. Поддержание динамического космического порядка (соотношение частей сущего и гармонизация взаимосвязанных противоположностей), а также умелое

⁸⁰ Торчинов Е. А. Даосизм. С. 24.

⁸¹ В данном случае речь идет о Просветленном, или Просвещенном, Шамане, к каковым можно отнести йогин-сиддхов, даосских мастеров и т. д. Просветленный Шаман – это метафора идеального шамана, его высший ранг, наивысшая степень. Конечно, среди исторически существовавших, «этнических» шаманов таких выдающихся личностей не могло быть много. Но и отрицать их существование мы также не можем лишь на том основании, что архаические шаманы не выражали свои прозрения в терминах философии. О правомерности связи таких, казалось бы, разных явлений, как шаманизм, даосизм и йога, говорит то обстоятельство, что все поздние разработанные учения Древнего Востока в своем истоке имеют шаманские корни. Известно, что даосизм выделился из тотальной архаической религиозности. Корни даосизма – в архаических культах долголетия, характерных для чжоусцев, экстатическом шаманизме Чу и культе небожителей царства Ци и Янь (Чжан Бо-дуань. С. 8). О связи тибетской йоги и шаманизма мы будем говорить отдельно в разделе «Религия Бон и шаманизм». Тем не менее нужно всегда помнить, что, несмотря на наличие базовых «шаманских паттернов», шаманские практики и представления очень неоднородны у разных народов в разные исторические эпохи. Так, если у одних этнических групп обряды и верования могли быть достаточно примитивными, то у других – довольно сложными и концептуально разработанными. Шаман никогда не был изолированной, оторванной от своего общества фигурой. Напротив, шаман во все времена был выразителем и хранителем достижений своего народа, живой «библиотекой» рода.

⁸² Такое трансцендентно-имманентное возвышение над всеми противоположностями считалось в дзен-буддизме, а именно в школе «Пяти Рангов» Цаодун (или в японском варианте – Сото-дзен), наивысшим Прозрением, или Просветлением.

⁸³ В Хаосе, Логосе и Живительной космической Энергии Хаоса угадываются три аспекта и проявления (ипостаси) Бога – Отца, Сына и Св. Духа.

управление энергетическим аспектом бытия – главная миссия шамана (жреца, священника).
Подробнее о том, кто такой шаман и какова его роль в обществе, пойдет речь далее.

Глава 2

Шаманизм— мост между мирами

Кто такой шаман?

Венгерский этнограф-шамановед Вильмош Фойт выделял три подхода, три направления в теоретическом исследовании шаманизма:

- историко-религиозный подход (шаманизм в связи с происхождением религии). Он представлен в трудах В. Г. Богораза, А. Ф. Анисимова, Л. Я. Штернберга и др.;
- историко-культурный подход (изучение предметов материальной культуры, искусства, проблемы этнической истории). Это исследования М. Г. Левина, Л. П. Потапова, А. А. Попова, С. В. Иванова и др.;
- феноменологическое направление (изучение собственно шаманизма как феномена). В первую очередь, это труды М. Элиаде.

Вначале в Советском Союзе доминировало крайне идеологизированное антинаучное «психопатологическое» направление. Шаман воспринимался как психически неуравновешенное лицо, а камлание⁸⁴ – как нервный припадок. Единственным, кто выделялся среди прочих исследователей шаманизма в России, был С. М. Широкогоров (1887–1939)⁸⁵. Идеи Широгорова были революционными, далеко опережающими свое время.

Но, пожалуй, лишь благодаря труду Элиаде «Шаманизм и архаические техники экстаза», опубликованному в 1951 г., исследование шаманизма вызвало интерес у широкой аудитории.

В настоящее время научное изучение шаманизма (и шаманства) в России возрождается невероятно быстрыми темпами. Проходят конференции и симпозиумы, посвященные шаманской теме. Ученые теперь могут говорить свободно, не опасаясь агрессивной государственной идеологии. Появляются серьезные научные материалы, которые еще недавно из-за цензуры не могли быть опубликованы. Среди ведущих специалистов в России на сегодняшний день должны быть отмечены следующие ученые: Елена Владимировна Ревуненкова, Валентина Владимировна Горбачева (занимавшаяся полевыми исследованиями на Дальнем Востоке у нанайцев, на Таймыре с нганасанскими и талганско-нганасанскими шаманами, а также на Чукотке), Татьяна Владимировна Жеребина, Евгения Алексеевна Алексеенко (специалист по этнографии кетов), а также Валентина Ивановна Харитонова. В области изучения шаманизма, архаического создания и колдовства в современной России нельзя не отметить также Ольгу Борисовну Христофорову, издавшую недавно замечательную книгу «Колдуны и их жертвы».

Помимо академических ученых исследованием и даже практикой шаманизма занимаются и другие наши соотечественники. Среди них следует выделить Оларда Эльвиля Диксона. Диксон – писатель (автор более 20 книг по традиционным верованиям народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока), путешественник, руководитель Общества исследователей протокультуры «Мезосознание а (альфа)», посвященный шаман, а также действительный член Организации тувинских шаманов Республики Тыва РФ «Дунгур» («Бубен», г. Кызыл) и инициатор Объединения шаманских кланов Ворона и Малого Лебедя «Хохорэй-Кутх» (Москва – Ямал). Также Диксон занимается преподаванием уникального и древнего

---

⁸⁴ Камлание – шаманское общение с духами, совершение обрядовых действий во благо родоплеменной общины в состоянии экстатического транса. Само слово «камлание» происходит от тюркского *кам* ('шаман').

⁸⁵ Подробнее об этом выдающемся ученом см.: Ревуненкова Е. В., Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. № 3. 2003. С. 100–119.

искусства горлового пения. Горловое пение характерно для традиционной (в особенности духовной) музыки народов Сибири, Монголии, Тибета и некоторых других народов мира.

Другой исследователь и практик шаманизма – Тарас Журба, председатель религиозной группы шаманов «Кузунгу-Ээрен». Журба является учеником шамана Таш-оола Бууевича Кунга, о котором он снял фильм «Белый Дракон – Великий шаман енисейских кыргызов».

Конечно, это далеко не полный список ученых, исследователей и шаманов России. Всех их просто не перечислить. А учитывая все возрастающий интерес к шаманизму в нашей стране и за рубежом, думаю, что их в ближайшем будущем станет еще больше.

Об этом недавно на одной шамановедческой конференции сказала Е. В. Ревуненкова: «Религия для шаманизма не главное. Шаманизм приспосабливается к любым религиям и способен пережить любые исторические катаклизмы. Идет бурное возрождение шаманизма. Шаманизм жив как никогда!»

Архаическое прошлое (древность, уходящую корнями в доисторический палеолит) и настоящее разделяет головокружительно длительный промежуток времени. Однако между древними цивилизациями и современным глобальным миром существует живая связь, мостик, временной портал. Этим связующим звеном, проводником в тайны архаического прошлого, *связным древности* является шаман.

Некогда в Древнем Риме жрецов называли «возводящие мосты, строители мостов», на латыни pontifex (от pons 'мост' и facio 'создание'). Жрецы-понтифики соединяли особым священным мостом два мира – мир людей и мир богов. Кроме того, понтифики должны были наблюдать за строительством моста в священном городе Риме. Это был мост через реку Тибр. Поэтому неудивительно, что титул понтифик был унаследован и Папой Римским. В XVI веке титул Верховный Понтифик Вселенской Церкви был утвержден как часть полного папского титула. Так древний шаманско-жреческий паттерн перекочевал в святая святых католической церкви. Конечно же, шаманы никогда не претендовали на такой вселенский титул. Но при этом они с древних пор исполняли обязанности «мостостроителей» и продолжают исполнять их по сей день.

Шаман, с одной стороны, является хранителем древних архаических констант. В первую очередь он – хранитель космического порядка. Проходя инициацию, шаман поддерживает особую модель мира. Инициация сохраняет традицию, передающуюся из поколения в поколение.

С другой стороны, шаман обладает удивительной пластичностью сознания. У него нет догматизма в интерпретации мира и космического порядка. Сохраняя преданность архаическим константам, шаман вместе с тем с легкостью меняет язык описания реальности. Его язык всегда современен, доступен для понимания соплеменников, поскольку шаман всегда говорит на языке и в понятиях того времени, в котором он находится.

Кроме этого, шаман не только хранит традицию, которая со временем меняет свой облик, но, будучи глубоко связан с глубинными архетипическими слоями сознания, обладает интуитивным переживанием этих архетипов. Несмотря на смену обликов, суть этих архетипов, их мощь и энергия остаются прежними. В этом смысле шаман пребывает не только во времени, но и вне его власти, т. е. вне власти перемен.

Это позволяет шаману быть не столько традиционалистом (хранителем древней культуры и архаического мировоззрения), сколько космостроителем настоящего (эволюционистом) и даже будущего (футуристом). Имея непосредственную связь с вневременной архетипической реальностью, шаман способен прогнозировать и даже предвидеть будущее.

Можно сказать, что шаман следит за балансом сил в отношениях духов и членов его племени, при необходимости восстанавливая гармонию, которая нарушается по тем или иным причинам. Ведь нарушение гармонии – причина бед и болезней как для отдельных представителей племени, так и для всего сообщества в целом.

Шаманизм связан прежде всего с двумя фундаментальными моментами. Во-первых, способности шамана – это особый дар воспринимать незримое, ориентироваться и осуществлять работу в иррациональном измерении, имеющую вполне практическую ценность для земного, по преимуществу рационального аспекта жизни.

Во-вторых, главная задача шаманизма – осуществлять взаимодействие между различными мирами и измерениями бытия и гармонизировать отношения в макрокосмосе (между неорганическим и органическим миром, между растениями, животными, людьми, духами и божествами) и микрокосмосе (гармонизация различных энергетических аспектов, или элементов, составляющих тело, между физическим и духовным аспектом и т. д.). Это сущностная задача шаманизма.

В прикладном значении шаман – психотерапевт своей социальной группы, а также специалист по фитотерапии. Как психотерапевт шаман использует в своей целительской практике многовековой опыт врачевания (целительства, целения), прежде всего психологическое воздействие на больного. Всевозможными способами (включая выразительный и эмоционально насыщенный ритуальный театр) шаман внушает пациенту веру в выздоровление, вселяет в него уверенность, помогает мобилизовать внутренние возможности организма и выводит больного из депрессивных состояний.

Как фитотерапевт шаман сохраняет и передает будущим поколениям знания о траволечении. Неслучайно, что среди ученых, которые активно изучают достижения шаманизма, наибольший интерес к нему проявляют фармакологи. Ведь этномедицина, изучающая использование лекарственных растений в традиционных обществах, вносит неоценимый вклад в изучение целебных свойств растительного мира, а также условий сбора, способов приготовления и комбинаций растений («шаманские рецепты»).

В целом можно сказать, что шаман непосредственно контактирует со сверхъестественными силами для различных целей, таких как избавление, исцеление представителей своей группы от всякого рода бед и неприятностей (болезни, неудача в охоте, рыболовстве и прочее), поиск заблудшей или украденной в других измерениях души, пропавших животных, вещей (то есть обнаружение скрытых предметов и явлений, в том числе обнаружение виновных в том или ином преступлении), помощь в рождении детей (испрашивание душ детей у небесных сил), приворотная магия, проводы души в потусторонний мир, в мир мертвых.

В социальном аспекте для шаманизма характерны все характеристики религиозной системы, имеющей различные функции: мировоззренческие, регулятивные, психотерапевтические, интегративно-дизинтегративные (шаман – «маркер этнической идентичности»), дидактические, эстетические, историографические, культур-транслирующие, легитимно-разлегитимирующие (шаман-вождь, шаман-старейшина устанавливает и поддерживает законы) и др.⁸⁶

Все остальное – явления, связанные с морально-этическим уровнем шамана. Если, обладая даром видеть незримый духовный мир, шаман использует этот дар *во зло*, если он общается с зловредными духами, то он противоречит своему призванию, ведь призвание шамана – исцелять, а не приносить вред. Его задача – сохранение равновесия интересов людей и духов природы, а не разрушение и удовлетворение низменных страстей, таких как корысть, месть или зависть. Связь и взаимодействие с альтруистическими в своей сути религиями позволили шаманам откорректировать собственные нравственные принципы. И этому существует множество примеров. В Латинской Америке это христианский шаманизм – курандеризм, в Сибири, в основном в Туве и Бурятии, буддийский шаманизм, в Тибете – объединение шаманизма, буддизма и религии Бон. И это далеко не полный список. В наши дни существуют шаманы-целители и медиумы в Корее, странах Африки и других регионах земли – практически по всему свету.

---

⁸⁶ Жеребина Т. В. Сибирский шаманизм: этнокультурный атлас. СПб., 2009. С. 8.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что по своей сути шаманизм не является религией (несмотря на то что непосредственно с ней соприкасается и в социальном аспекте выполняет все религиозные функции). Если в религии все находится в одинаковых условиях (все верующие), то шаман – фигура, выделяющаяся среди соплеменников (шаманистов). Главный атрибут религии – вера. Именно вера в сверхъестественное, в то, что обычный человек не может увидеть или почувствовать, но что переживается им в особом религиозном опыте и вызывает сильные эмоции благоговения, является религиозным базисом, фундаментом религии. Вера в метафизические божественные причины (без возможности их непосредственного восприятия), которые руководят миром, – вот область религии. Шаманизм же базируется на личном непосредственном опыте и на полученном в этом опыте особом священном знании.

«Шаман – человек, одаренный [духами] волшебством и знанием, [он] выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач»⁸⁷.

По определению М. Элиаде, «шаманизм не является собственно религией; это совокупность экстатических и терапевтических методик, цель которых – вступить в контакт с параллельным, но невидимым миром духов и заручиться их поддержкой для управления делами людей»⁸⁸.

Конечно же, это вовсе не означает, что шаман не может быть религиозным человеком. Вера – не альтернатива «особому восприятию» и сверхъестественным способностям шамана. Вера – это прежде всего доверие к вещам принципиально невидимым. «Бога никто никогда не видел» (Первое послание Иоанна 4: 12; Ин 1: 18). Однако если мы чего-то не можем видеть (воспринимать посредством чувств и умозрения), то это вовсе не означает, что мы должны отрицать существование невидимого и недоказуемого. Вот это признание «невидимого» и есть вера. Такая вера, как говорится в Библии, – дар Божий. «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» (Еф 2: 8, 9). Для чувственно или рационально ориентированного человека такая мысль может показаться нелепой. Тем не менее для того, кто принял этот Божий дар, всякие сомнения рассеиваются, как тучи на небе.

Моисей воспринимал Бога не «лицом к лицу», а лишь как знак Его присутствия, причем достаточно условный знак, никак не отражающий истинных качеств Бога. Например, в виде горящего куста (Неопалимая Купина)⁸⁹ или как облачный столп днем и огненный ночью (Исх 13: 21–22). В иудаизме существует специальный термин *ихина*, или *шехина* (букв. на иврите означает 'присутствие, пребывание, проживание'). Это термин, обозначающий присутствие Господа, в том числе и в физическом аспекте. Однако восприятие таких и любых других образов – еще не гарантия веры в то, что в них действительно присутствует Бог. То же касается и «голосов», которые слышали пророки. Чьи это голоса? Говорят ли они правду? Вот почему между верой и видением (пусть даже сверхъестественным) нельзя поставить знак равенства.

В этом контексте вера – это доверие и признание того, что существует особым «сверхъестественным» способом. Вера, таким образом, – это способ обнаружения вещей невидимых. Вот почему шаманизм никоим образом не может быть альтернативой религии, а шаманское особое видение – вере. Шаман – «духовидец». Он воспринимает то, что недоступно органам чувств обычного человека, но есть вещи, которые недоступны восприятию даже шамана, – это то и есть та сфера, которую называют сверхчувственной и сверхумозрительной. И соединиться с этой мистической реальностью можно только через веру.

⁸⁷ Валиханов Ч. Ч. Следы шаманства у киргизов // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: в 5 т. (1961–1972). Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 473.

⁸⁸ Элиаде М., Кулиано И. Словарь религий, обрядов и верований. М.: СПб., 1997. С. 318.

⁸⁹ «И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я!» (Исх 3: 2–4).

Т. В. Жеребина делает смелое заявление, что «шаманы, как и другие представители активной популяризации своей религии, – особым образом сконструированные природой люди, которые обладают природным даром „слышать“ „голоса“ природы; этот дар основан на коллективном разуме их народа или близких им людей (по родственному и неродственному признаку). Другими словами, шаманы – представители известного феномена пророков (Моисей, евангелисты, Жанна д’Арк и т. п.), феномена „слышания голосов“»⁹⁰.

Сам термин «шаман», ставший столь распространенным в современном мире, происходит от общего корня слов тунгусо-маньчжурской группы языков. Это корень *sa*, имеющий у эвенков, эвенов, солон, негидальцев, орочей, ороков, удэгейцев, нанайцев и ульчей общее значение – ‘знать’, ‘знание’, ‘познавать’⁹¹. Шаман у тунгусо-маньчжурских народов – знаток тайного мира духов, знаток ритуалов, посредством которых устраиваются добрососедские отношения с духами и божествами, знаток тайны исцеления. Шаман обладает знанием, дающим ему магическую силу воздействия на природные стихии, сознание людей и животных. Для того чтобы провожать души умерших, шаман должен был знать все магические тропы вселенной. Свой путь шаман понимал как *путь знания и обретения силы*.

Во многих других языках обозначение человека, исполнявшего шаманские функции, имело тот же самый корень. Так, например, у индейцев кичуа самоназвание шамана – *ячак* – ‘знающий’, ‘ведающий’, ‘мудрец’, а *ячай* на языке кичуа – ‘знание’, ‘мудрость’, ‘наука’.

Не все ученые согласны с тем, что слово «шаман» происходит от корня *sa* – ‘знать’. Так, А. А. Бурькин в книге «Шаманы: те, кому служат духи» пишет следующее: «В русский язык слово „шаман“ попало в первой половине XVII века из языка эвенков, причем из тех его диалектов, в которых переднеязычный щелевой согласный *c* звучит как русский согласный *ш*. Разные диалектные группы эвенков называют своего шамана саман, шаман или хаман. В большинстве тунгусо-маньчжурских языков, к которым относится эвенкийский язык, это слово звучит как саман. История этого слова в эвенкийском языке и других тунгусо-маньчжурских языках неизвестна: к эвенкийской глагольной основе *sa* – „знать“ – оно не имеет отношения. Одни ученые в своих попытках объяснить его происхождение сравнивали его с древнеарийским словом *шрамана* – „слушающий“, другие усматривали в нем связь с названием сомы – священного напитка древних иранцев; напрашивается сравнение этого слова с названием религиозных проповедников самана – это слово встречается в широко известном романе Г. Гессе „Сиддхартха“⁹². Возможно, что это тунгусо-маньчжурское слово связано по происхождению с ненецким словом *самбана* – названием одной из категорий шамана у ненцев и энцев»⁹³.

Далее Бурькин пишет: «Немногие даже из среды специалистов знают о том, что у слова „шаман“, ставшего общеупотребительным этнографическим термином, в русском языке в XVIII–XIX веках были серьезные конкуренты. Одним из них было тюркское слово „кам“ – „шаман“, которым ныне пользуются многие исследователи религии и шаманства тюркских народов Южной Сибири». Между тем слово «кам» в значении ‘шаман’ было известно на протяжении всей истории изучения шаманизма. Правда, далее Бурькин излагает действительно интересные сведения об истории употребления терминов, обозначающих понятие «шаман»: «С начала XVIII века в русских источниках появляется термин *тадыбы*, обозначавший ненецких, хантыйских и мансийских шаманов и происходящий от ненецкого названия шамана –

⁹⁰ Жеребина Т. В. Сибирский шаманизм. С. 8.

⁹¹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1977. Т. 2. С. 49–51.

⁹² Отметим, что слово *шрамана* переводится с древнеарийского как ‘слушающий’, тогда как санскритское слово *сгамана* образовано от глагольного корня *sgam* – ‘прилагать усилия’, ‘стараться’. Следовательно, *сгамана* значит ‘прилагающий усилия’. Шрамана – это странствующий аскет, подвижник и искатель духовной истины в Древней Индии (Индуизм, Джайнизм, Сикхизм: словарь / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. М., 1996. С. 465). А *самана* – это обозначение того же аскета, только на языке пали. Кроме того, на древнеиранском языке напиток назывался Хаома. Сомой он назывался у индоарийцев. Об этом священном напитке арийцев у нас еще пойдет речь ниже.

⁹³ Бурькин А. А. Шаманы: те, кому служат духи. СПб., 2007. С. 11.

тадебя. Наконец, из якутского языка сочинений середины XVIII века проникло якутское название шамана – *оюн*»⁹⁴.

Относительно дискуссий о различии понятий «шаманство» и «шаманизм» Бурькин пишет: «Мы принципиально устранимся от обсуждения смысла терминов „шаманство“ и „шаманизм“, чему посвящено множество страниц в специальной литературе разного достоинства»⁹⁵. С этим сложно не согласиться. Научные спекуляции выглядят несколько искусственными и надуманными. Иногда шаманством называют непосредственно практику шамана, а шаманизмом – мировоззренческие понятия шаманов. Жеребина предложила такую формулу: «шаманизм» – это идеология + культ, а «шаманство» – культ + идеология⁹⁶. Однако все эти деления приносят лишь ненужные споры и путаницу, а не проясняют суть дела. Эти «терминологические» дискуссии очень напоминают полемику о разнице между такими научными дисциплинами, как этнология и этнография.

Впрочем, оставим на совести филологов дискуссии об этимологии слова «шаман». Мне припоминается курьезный случай. Как-то в гостях у эквадорских индейцев из племени кичуа у нас зашел разговор о том, из какого языка пришло слово «шаман». Моему изумлению не было предела, когда все они хором стали доказывать мне, что шаман – слово исконно амазонское. Выяснилось, что далеко не все из них знали, что на их родном языке термин «шаман» звучит как «ячак». Когда же я попытался объяснить, что слово «шаман» пришло из России, а точнее, из Сибири, они долго безудержно смеялись. Вот так, благодаря стараниям этнографов и других ученых, через испанский язык латиноамериканские индейцы усвоили и даже присвоили себе тунгусо-маньчжурское слово (по-испански шаман – *chaman*).

Вообще, слово «шаман» вошло в обиход индейцев сравнительно недавно (около 10–20 лет назад) благодаря западноевропейской культуре. Например, у индейцев шипибо-конибо существовали свои наименования и градации шаманов (об этом у нас пойдет речь ниже). Шаманов могли называть, например, на языке шипибо-конибо – *мырайя*, а на испанском языке – *курандеро*.

В определенном смысле шаманизм ближе не к религии, а скорее – к области спиритуализма, экстрасенсорного восприятия, биоэнергетики и ясновидения. Можно сказать, что шаман – это духовидец и экстрасенс (человек, наделенный сверхчувствительным восприятием и способностью воспринимать незримых духов), который описывает особое восприятие мира в образах окружающей его природы на языке своей социальной группы (ее религиозного и общекультурного мировоззрения).

Шаман по большому счету не столько верит в духов и богов, сколько воспринимает их непосредственно, общается с ними и учится у них разного рода навыкам (исцеление болезней), заключает с ними «договоры» и даже ведет битвы. Шаман видит, а не верит, «ведь то, что для профанной среды есть сфера поклонения, для шамана – сфера его реального общения»⁹⁷.

Для традиционного шамана вера как *уверенность в невидимом* не играла принципиальной роли. Для него как раз *видение* определяло все его поведение и мировоззрение. «Религиозное (сакрализованное) не допускает магико-мистического (сакрального) вмешательства; это одна из важнейших основ для противоречий и противостояния религии и магии и их приверженцев – одни скрывают созданное и выдуманное, во что верят и чему поклоняются, а другие живут в ощущаемом ирреальном, взаимодействуя с ним как с реальным»⁹⁸.

⁹⁴ Бурькин А. А. Указ. соч. С. 12.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Жеребина Т. В. Сибирский шаманизм. С. 7.

⁹⁷ Харитонова В. И. Феникс из пепла? С. 96.

⁹⁸ Там же.

Очень поэтический образ шамана был нарисован пером петербургского ученого и исследователя шаманизма Жеребиной. Пожалуй, он наилучшим образом передает дух архаического шамана: «...Дробно звучит бубен; развеваются полы фантастического одеяния; бренчат металлические подвески, густо усеявшие плащ; олень с железными рогами храпит и мечется в ликах затухающего костра... Зрители, впившись глазами в захватывающее театрализованное представление, внимательно следят за речью шамана. Речитатив и пение шамана полны для них глубокого смысла. Они хотят „достоверно“ знать, где ловить рыбу и куда ушел зверь из тайги; выживет ли больной, и как добралась душа умершего до загробного мира; где искать пропавших оленей; будет ли счастлив человек завтра. Всевечное желание человека предвидеть будущее и ответить на загадки природы. В шамане для приверженцев его слились земля и небо, мир природы и мир людей, мир мертвых и живых. Шаман есть связующее звено между *доступным* и *недоступным*. Он уже не простой смертный. Обладая особым даром перевоплощения, он, только мгновениями являясь в своем обычном виде, выступает в образах то медведя, то лося, то злых, то добрых духов. И кого бы не представлял шаман, какую бы мистерию не разыгрывал, он беспрерывно пояснял свои метаморфозы. Он рассказывал о местности, которую населяли издревле люди его народа, о природе края, о таяжных зверях и птицах, об устройстве неба и земли, о сущности человека и животных, о том, что будет с человеком после смерти и что такое сама жизнь. И, предсказывая, предугадывая судьбу живых и мертвых, он пояснял свои мысли рисунками на бубне, колотушке, многочисленными подвесками, смысловая нагрузка которых в основном была близка и понятна слушателям, так как весь род своими руками тщательно шил, вышивал, ковал и пришивал их; рисунки же на бубне обычно выполнял сам шаман. Но за видимым, ясным для каждого участника камланий образом скрывался невидимый, тайный, сакральный смысл, который был известен только шаману, что вызывало к нему у соплеменников противоречивые чувства: и страх, и уважение, и преклонение пред его чудесным даром»⁹⁹.

Как бы ни выглядел шаман – цивилизованно или маргинально, он всегда оставался связанным с родом, со своим племенем, имеющим и почитающим первопредка или первопредков. Шаман – фигура до мозга костей социальная. Если кто-то полагает, что шаман – это волк-одиночка, то окажется прав, с одной лишь оговоркой. Это волк-одиночка, который живет особняком на границе своей стаи. Стая и этот волк неразделимы. Шамана могут бояться, обходить стороной. Но если что-то случилось – недуг, проблемы с урожаем, пропажа или какая-нибудь другая напасть, – идут на поклон именно к шаману. Да и духи призывают шамана не просто так. Шаман контактирует с миром духов от лица своего сообщества. Он представляет интересы общины, его членов в духовном мире (так же, как жрецы впоследствии представляли интересы царя и городов-государств).

Шаман, согласно Майклу Винкельману (Michael Winkelman), тесно связан с социально-экономической сферой. Шаман прежде всего является представителем сообщества охотников, собирателей или кочевых племен. Его деятельность имеет выраженную индивидуальную основу в отличие от других религиозных практиков, представителей малоподвижных агрикультурных обществ, осуществляющих деятельность в группе (коллективно) и обычно имеющих специализацию – распределение ролей и священную иерархию.

Известный антрополог Марвин Харрис (Marvin Harris) определяет шамана как представителя эгалитарного, доклассового общества, выполняющего функции магико-религиозного специалиста.

В 1919–1920 гг. этнограф С. М. Широкогоров нарисовал психофизиологический портрет шамана, назвав его «предохранительным клапаном от психических заболеваний», средством самозащиты рода, саморегуляции и стабилизирующим механизмом психологической сферы людей. На примере тунгусского шаманизма Широкогоров отмечает, что шаман как бы вби-

⁹⁹ Жеребина Т. В. Тайна сибирских шаманов. СПб., 2002. С. 23.

рает в себя духов, которые беспокоят и сводят с ума соплеменников, находит с ними контакт и гармонизирует внутриродовую среду. Шаманство выступает в качестве предохранителя от нервно-психических болезней и является своеобразным способом самозащиты, проявлением биологических функций рода. Таким образом, шаман оказывается в роли охранителя рода и выполняет родовые функции.

По мнению ряда антропологов, шаманство представляет собой одну из ранних форм религии или культа, центральной идеей которого является вера в необходимость особых посредников между коллективом соплеменников и духами (божествами). Этих посредников (шаманов) избирают, наделяют полномочиями и обучают сами духи. Как отмечает М. Элиаде, по сравнению с ранними формами религии шаманизм не привносит ничего оригинального – тройственное деление мира, мировая ось, сакрализация пространства и прочее существовали и до шаманизма. Но только в шаманизме космо-теологическая концепция преобразуется в конкретный мистический опыт.

Обобщая, мы можем выделить следующие основные функции шамана:

1. Лечебная функция шамана – терапевт, лекарь, травник. Он психолог и психотерапевт племени, обладающий навыками гипнотического внушения. Сюда же можно отнести способность шамана выступать в качестве психопомпа (греч. ψυχοπομπός – ‘проводник душ’) – проводника душ умерших в потусторонний мир, а также поиск и возвращение «потерявшейся» или «украденной» души пациента.

2. Культурная функция шамана – сказитель, хранитель художественного, музыкального, театрального, мифопоэтического наследия своего рода и традиций бесписьменного общества. К тому же шаман – мастер творческих импровизаций, пантомимы, подражания животным, птицам (имитация их голосов и повадок) и природным стихиям. Шаман аккумулирует в себе сакральную мудрость своего рода.

3. Исследовательская функция шамана – натуралист, ученый первобытного общества, у него чрезвычайно развита наблюдательность. Шаман прекрасно ориентируется в особенностях природного мира, той среды, в которой он обитает.

4. Лидерская функция шамана – уважаемая племенем персона, к мнению которой прислушиваются и на которую ориентируются во многих вопросах. Гадания и прорицания шамана могут определять время начала военных действий против соседних племен и т. д. Шаман – лидер сообщества (вождь или советник вождя).

5. Функция медиатора между представителями племени и духами, божествами, хозяевами местности, между тремя мирами: Верхним, Средним и Нижним. Шаман как представитель родоплеменной системы выполняет своего рода дипломатическую функцию, представляя интересы племени перед невидимыми могущественными силами, которые, по представлениям архаических народов, оказывают воздействие на здоровье, рождение детей, урожай, удачу в охоте, испрашивает нужную погоду у божеств стихий дождя, грома, радуги, грозовых туч и т. д. Шаман улаживает конфликты, возникшие между членами его рода и различными духами (в этой «миротворческой миссии», конечно, мы можем усмотреть и психотерапевтическую функцию, если полагать, что духи – это своего рода объективация различных психических конфликтов).

Исторические аспекты шаманизма

На основании данных археологии мы можем говорить о зарождении шаманизма в каменном веке, а точнее, в верхнем (позднем) палеолите, т. е. когда, собственно, и появляется современный разумный человек (*Homo sapiens*). Тогда, на заре религиозного сознания, каждый был по-своему шаманом, ибо еще не выделилась особая фигура, осуществлявшая посреднические функции между небом и землей. Шаманизм был семейно-родовым. Классическая же фигура шамана оформляется в бронзовом веке, именно тогда появляется индивидуальный, персональный шаманизм. Согласно исследованиям ряда ученых – археологов и этнографов, – можно выделить несколько типов шаманства, соответствующих определенным этапам развития общества.

1. Первобытное, «поголовное» или семейное шаманство. Оно сохранялось еще в конце XIX – начале XX века у народов Северо-Восточной Азии – чукчей, коряков, алеутов, эскимосов, ительменов, а также у якутов. Следы такого типа шаманства обнаруживаются в археологических раскопках на месте стоянок первобытных людей.

Как пишет С. А. Токарев¹⁰⁰, наиболее ранняя форма шаманизма, известная по этнографическим источникам, наблюдалась в XVIII в. у ительменов Камчатки. В то время у них еще сохранялся архаический уклад с чертами преобладания женского шаманизма. У ительменов не было профессиональных шаманов. При этом шаманили в основном женщины, чаще всего пожилые. Та же картина ранней стадии шаманизма обнаруживалась и у чукчей. Собственно шаманов у них было мало, и они мало чем отличались от обычных людей. Особого костюма у чукотских шаманов не было. Бубен был таким же, как и в каждой чукотской семье, в который во время семейных обрядов по очереди били все члены семьи¹⁰¹.

В шаманских камланиях участвовали все члены семьи – от мала до велика, а также гости. Такие массовые камлания происходили, например, во время охотничьих праздников. Так, чукчи собирались в огромном шатре, который был наглухо закрыт от света и наполнен дымом от тлеющих углей. Вся семья вместе с родственниками, друзьями и гостями в количестве 20–25 человек с криками и стуком бубнов вводила присутствующих в экстатическое состояние. Некоторые ученые считают, что семейный шаманизм был исключительно имитацией, подражанием священнодействию шамана. Так, например, Е. А. Торчинов в монографии «Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния» пишет: «Процветал и семейный шаманизм, заключавшийся в том, что каждая семья, имевшая свой шаманский бубен, передававшийся по наследству, в особые праздничные дни имитировала сеансы камлания. Речь идет только об имитации внешних моментов поведения шамана (прыжки вверх, подражание священному языку шаманов – издавание нечленораздельных звуков и т. д.). Иногда при таких коллективных акциях имели место пророчества, но к ним никто серьезно не относился. Главное формальное отличие этих семейных камланий от подлинно шаманского состоит в том, что семейное камлание (в котором принимают участие даже дети) проводится при свете под наружным навесом чума, тогда как шаманское – в спальном помещении и в полной темноте»¹⁰². Однако то, что описывал специалист по культуре чукчей В. Г. Богораз, не позволяет делать такие выводы¹⁰³. Коллективное камлание проходило именно в темноте, а не при свете. И камлание это, по описаниям Богораза, приводило к тем же результатам (экстатическим состояниям и общению с духами), что и у индивидуальных шаманов. Женщины

¹⁰⁰ Токарев С. А. Указ. соч. С. 172.

¹⁰¹ Сем Т. Ю. Шаманизм народов Сибири. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.

¹⁰² Торчинов Е. А. Религии мира. С. 100.

¹⁰³ Богораз В. Г. Чукчи. Социальная организация. Авторизованный пер. с англ. Часть I. Л., 1934.

в семейном шаманстве пользовались равными правами с мужчинами. А в некоторых случаях были даже предпочтительнее мужчин. Чукотские шаманы говорили Богоразу: «Женщина от природы шаманка»¹⁰⁴. Ей, по представлениям чукчей, даже не нужно учиться шаманству, все необходимые качества и так присутствуют в ней от рождения (до момента родов, т. к. после родов, как считали чукчи, женщина теряла много шаманской силы). Шаманы-трансвеститы с «превращенным полом» считались у чукчей, коряков и эскимосов очень сильными, способными помочь в самых сложных ситуациях. Кроме того, даже шаман, не меняющий пол, расчесывает волосы по-женски и заплетает в косы. Перед камланием шаманы распускают волосы. Колымские якутские шаманы для обычного камлания берут у девушек верхнюю одежду (которую замужние не носят) из шкуры жеребца и шаманят в ней. Все это – «превращенные мужчины», женская одежда и женские прически шаманов – свидетельствует о том, что шаманизм на более поздних стадиях (в форме индивидуального шаманства) сохраняет веру в силу женского шаманства. У семейного шаманства нет строгих канонов, иерархии и сложных ритуалов. Любой член семьи мог в любое время в силу личной необходимости покамлать на бубне – живом инструменте, открывающем доступ к миру духов.

Каждый на свой лад общался с миром духов, которые были для него такой же реальностью, как для нас соседи по подъезду. Это не был какой-то принципиально иной мир. Духи, божества и демонические существа окружали человека повсюду. Некоторые из них обитали в небесах, другие – под землей. Но возможность вступить в контакт с ними была у каждого. Другое дело – не всем и не всегда это было нужно.

2. Следующий этап, или разновидность шаманизма – родовой шаманизм¹⁰⁵. Шаман на этой стадии является служителем родового культа. У каждого рода имеется свой особый шаман либо несколько шаманов. Такая форма шаманизма встречалась, например, у юкагиров. Умершие шаманы становятся покровителями рода. Следы родового шаманизма сохранялись у эвенков, бурят и других народов Сибири.

3. Индивидуальный шаманизм, который выделился из родового. Шаманство отдельных, наиболее одаренных и обладающих лидерскими качествами людей со временем вытеснило или, по крайней мере, оттеснило на задний план семейное и родовое шаманство. В индивидуальном шаманстве мужчина занял первый план. Это своего рода специалист, к которому обращаются за оказанием особых услуг – от исцеления от недугов до поиска пропавших домашних животных. С появлением индивидуального шаманства начинают формироваться шаманские институты, закрепляются традиции и обряды, трепетно хранимые и передаваемые новым поколениям. Индивидуальный шаманизм тесно связан с родовым мышлением. Шаман становится представителем своего племени перед духами, которые связаны с племенем исторически – духи предков, духи умерших членов рода, – а также территориально – духи хозяева местности, духи животных и растений.

4. С появлением института жречества, а потом и священства (христианство), индивидуальный шаман уходит на второй план, оказываясь в роли колдуна, знахаря и целителя (феномен курандеризма в Латинской Америке).

5. В настоящее время мы имеем дело с новым явлением – шаманизмом без соотнесения с конкретным родоплеменным сообществом. С одной стороны, это новое течение вовлекает традиционных шаманов, а с другой – человека мегаполисного, не очень знающего природу в ее «диком виде», но страстно желающего освободиться от оков городской повседневности, ищущего выхода в экзотических культах. Наконец, в это течение вовлекаются психологи, религиоведы и этнографы. Так, благодаря усилиям этнографа М. Харнера и К. Кастанеды возникло движение неошаманизма. Неошаманизм можно считать лишь частью общего потока глобаль-

¹⁰⁴ Там же. С. 25.

¹⁰⁵ Токарев С. А. Указ. соч. С. 172.

ного шаманизма. В настоящее время возникают разные формы – экошаманизм и т. п. Все эти явления характеризует тенденция к синтезу достижений прошлого (шаманских техник экстаза, философии всеединства и бережного отношения к флоре и фауне планеты) и настоящего (гуманистические новоевропейские ценности). Это уже не вынужденный синкретизм, когда шаманам и жрецам приходилось преобразовывать, искусственно подгонять свои традиционные представления под религиозную идеологию победителей-захватчиков (христианских миссионеров, следовавших по пятам захватнических экспедиций конкистадоров и поселенцев-колонизаторов). Это творческий сознательный союз накопленных знаний прошлого и настоящего.

Таким образом, индивидуальный, специализированный шаманизм формировался по мере усложнения общественных отношений. Когда люди постепенно перешли к оседлому образу жизни и начинали заниматься земледелием и скотоводством, шаманизм также претерпел усложнения. Вначале все шаманы были равны. У них не было никакой иерархии. По мере возникновения иерархии общества появились старшие и младшие шаманы. Возникла сложная структура взаимоотношений между шаманами, особые ритуалы посвящения, перехода с одного уровня на другой. В социальной структуре шаманизма отражались абсолютно те же процессы, что и в жизни общества, частью которого они являлись¹⁰⁶.

Верхний палеолит – время, когда человек знал лишь присваивающий тип ведения хозяйства. Присваивающее хозяйство – это охота, рыболовство и собирательство (выкапывание из земли кореньев, сбор дикорастущих плодов и ягод). Тип хозяйства определяется технологиями, имеющимися в распоряжении человека. Каменный век так и называется потому, что главные инструменты человека были сделаны из камня. В неолитическую революцию, начавшуюся еще в мезолите, люди освоили новые технологии, позволившие им распространиться по всей поверхности земли. Это время, когда присваивающее хозяйство уступает место производящему. Производящее хозяйство – это земледелие и скотоводство. Человек окультурил растения и приручил, одомашнил животных. Это время и есть в буквальном смысле начало культурной деятельности человека. Ведь само слово «культура» происходит от латинского *colo* ‘возделываю’. Имеется в виду обработка земли и возделывание аграрных (земледельческих) культур (растений). Кроме того, человек научился обрабатывать глину и производить керамические изделия, а в некоторых наиболее развитых регионах – обрабатывать металлы: вначале бронзу, а потом железо.

На более поздней ступени развития в традиционных обществах вначале появляется отдельная, специализированная фигура шамана, а потом и шаманская иерархия. Шаман приносит жертвоприношения. Они позволяли шаманам договариваться с духами. Жертва (или ее обещание) в определенном смысле обязывали духа услышать обращение к нему шамана и удовлетворить просьбу приносившего жертву. Жертву приносили по большому счету для того, чтобы обеспечить добрососедские отношения с духами. За шаманом закрепляется статус посредника между миром живых и миром духов, предков, божеств и т. д. Это признание необходимости посредника свидетельствовало только об одном – остальные члены общества так или иначе утратили способность взаимодействовать с миром, который некогда был доступен для восприятия каждому члену сообщества.

Со временем, с формированием городов-государств, а затем и просто государств и империй, шаманов сменили жрецы. Эти жрецы прочно закрепили за собой статус избранных, особого сословия, касты и т. д.

В Древней Индии появились жрецы-брахманы, в Древней Иудее – левиты. То же наблюдалось и у египтян, и у представителей древних цивилизаций Южной и Центральной Америки. Связь с духовным миром стала прерогативой отдельного сословия священников. Только через них можно было воззвать к небесам, испросить благословений, только они совершали жертво-

¹⁰⁶ Жеребина Т. В. Сибирский шаманизм. СПб., 2009.

приношения, имевшие государственное значение. Что это означало на практике? Конечно же, снятие ответственности со всех остальных членов сообщества.

Жрец начинает выполнять функции посредника между гражданами общества и божественными силами, духовного наставника вождя или царя, а также политического соправителя. Нередко обе функции – царя и жреца – объединялись в одной личности. Главная функция жреца – принесение жертвоприношений. Священник – тоже жрец, но жрец Нового Завета. В христианстве считается, что жертвоприношение животных и людей излишне, поскольку в жертву на кресте принес себя сам Бог. Все, что полагается священнику, – ритуально приобщаться к жертвоприношению закланного агнца – Иисуса Христа. Каждое евхаристическое таинство – приобщение к этому жертвоприношению. Символически пить кровь и вкушать плоть Иисуса в образе вина и хлеба, а также разделять эту священную трапезу с прихожанами – вот основная задача христианского священника. Несмотря на то что в христианстве отпала нужда в действительном пролитии крови жертвы и ритуальном вкушении плоти, архетипическая суть этого ритуала сохранилась.

В некоторых случаях жрецы и шаманы сосуществовали. Причем жрецы продолжали именоваться шаманами – «белыми шаманами». Отсюда разделение шаманов на «белых» и «черных», *ай оюна* и *абасси оюна* у якутов или *сагани бо* и *караин бо* у бурят.

Итак, шаманизм – это религиозный феномен первобытного родоплеменного и раннего архаического общества, характерными особенностями которого являются примитивный способ ведения хозяйства, а также отсутствие письменности. По типу хозяйства мы можем говорить о людях, живших 40 тысяч лет назад, и об аборигенах времен Великих географических открытий XV в. как об одной и той же первобытной архаической культуре.

Объединяя данные археологии, этнографии и исторических текстов-источников, мы можем создать объемную картину первобытной религиозности. Тип хозяйства указывает на то, какие религиозные взгляды доминируют в данном обществе. Независимо от исторической эпохи и пространственного положения в схожих условиях ведения хозяйства религиозность разных народов будет иметь общие черты. Ученые, проанализировав данные археологии и этнографические отчеты, пришли к выводу, что первобытные люди и те, кто сохранил до наших дней уклад каменного века, если и не тождественны в плане религиозного самовыражения, то все же имеют много общего. Условия существования определяют способ восприятия не только повседневного, но и священного. Конечно же, в соотношении быта и сознания нет строгого причинно-следственного детерминизма. Одно влияет на другое – это взаимный процесс. Если меняется сознание, меняются и условия жизни, и наоборот. Но несомненно то, что существует соответствие между бытом и сознанием. В первобытном, эгалитарном обществе вы никогда не обнаружите представлений о царе небесном, поскольку в самой культуре и социальной жизни отсутствует понятие о царе и об иерархии как таковой. Там, где нет классового общества, не может быть и рассуждений о воинстве небесном или о князе мира сего. Вместе с тем невозможно представить (а тем более – обнаружить) племя индейцев, обитающих в Амазонии, у которых не было бы в пантеоне духов или божеств с лицами или клыками ягуаров или каких-нибудь других хищников. Если животное обладает силой и мощью анаконды или пумы, оно обязательно найдет отражение в мифологии и религиозных верованиях тех людей, которые живут в непосредственной близости от них и чувствуют на себе их хищный взгляд из чащи джунглей.

Нередко задают вопрос: почему в доколумбовых религиях, например, в культуре мочика, так много богов со звериным оскалом? Высказывается даже предположение, что божества древних американцев были не кем иным, как падшими ангелами, т. е. демонами, разбредшими по миру. Конечно, понять, откуда берутся такие догадки, нетрудно. Человек, чье сознание пропитано библейскими мифами, во всем увидит или длань Бога, или козни Сатаны. Но в случае доколумбовых религий все значительно проще – божества были такими клыкастыми

и зубастыми потому, что повсюду рыскали настоящие хищники. Человеку мегаполиса сложно понять, что значит жить в мире, где хищники не дикий зверь из зоопарков и цирков, а вполне реальная опасность. А все, что вызывало в первобытном и архаическом человеке нуминозные чувства (страх, ужас и одновременно – благоговение, почтение и восхищение), обязательно находило место в мифологии и оказывалось в пантеоне божеств и духов.

Все это вовсе не означает того, что все религии – плод воображения, невежества и суеверных страхов. Дело в том, что религия – это прежде всего социокультурный феномен, отражающий представления своего времени, она говорит на языке, понятном окружающим.

Можно сказать, что изначально религиозные верования были сродни поэзии. Поэзия пользуется множеством метафор, аллегорий и символов для того, чтобы передать еле уловимые переживания, эмоции и даже пророческие прозрения. Само сакральное, священное невидимо обычным глазом. Даже в особых состояниях сознания шаман или экстрасенс воспринимает лишь символические формы. Характер восприятия зависит от того, кто и как воспринимает. Духовный мир может воплотиться в тех или иных формах, понятных тому, кто их ощущает. Отсюда, кстати, мы можем сделать вывод, что духовные переживания первобытного человека могут быть не менее сильными и возвышенными, чем у представителя так называемых «высших» религий или религий «чистого опыта». У первобытных людей мог быть такой же чистый опыт, как и у буддиста, даоса, христианина-исихаста или исламского суфия. Однако их язык, образы, метафоры кажутся нам, представителям другой культуры, примитивными. Но примитивность эта выражается лишь в технологическом аспекте. В духовном плане первобытные люди точно так же любили, озарялись и просветлялись. Однако свои переживания они излагали в понятиях окружавшей их среды, таких как небо, вода, гром, свирепый ягуар и т. д.

Итак, сравнивая аборигена, племя которого было обнаружено где-нибудь в Амазонии или на островах в Тихом океане, и первобытного человека каменного века, мы можем говорить об одной и той же культуре и об одном и том же типе религиозности и религиозных верований. Хотя они разделены во времени, но их пространство заполнено той же обстановкой, теми же деревянными и каменными орудиями труда, а окружает их та же самая природа, хищники и те же ландшафты.

Отсюда же следует и другой вывод – как только меняются условия быта, меняется и религиозное самосознание. Попытка искусственного воспроизведения «традиции» в конце концов превращает религию в обрядоверие и предрассудки. Когда религиозное самовыражение естественно и адекватно эпохе и культуре, мы не наблюдаем никаких признаков социального напряжения, недоумения и недовольства. Как только время опережает какой-либо религиозный институт (проще говоря, меняются условия жизни), тот устаревает и превращается в театр или музей с живыми экспонатами. Вот почему шаманизм в современном мире, в условиях доминирования современных технологий и городского образа жизни, превращается в неошаманизм.

Но вместе с тем шаманизм – явление чрезвычайно гибкое и способное адаптироваться к различным условиям существования. Шаманские паттерны, как и шаманские психотехники, независимо от перемен в мировоззрении людей, продолжают воспроизводиться из века в век, от эпохи к эпохе.

Шкуры, перья и прочие «неотъемлемые» шаманские атрибуты хороши лишь тогда и там, где они естественны, где они являются символами и аллегориями, взятыми из окружающей среды. Житель современного мегаполиса, практикующий (нео) шаманизм, вовсе не обязательно должен облачаться в те же костюмы, в которые облачался шаман каменного века.

Следы шаманизма обнаруживаются даже в философии Древней Греции, как отмечал Э. Р. Доддс¹⁰⁷. Орфико-пифагорейские воззрения Доддс связывал с тем, что греки вступали в кон-

¹⁰⁷ Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / Пер. с англ., коммент. и указатель С. В. Пахомова, послесл. Ф. Х. Кессиди.

такты с народами Скифии и Фракии. А это регионы, на которые шаманская культура оказывала существенное влияние. Как пишет Доддс, с севера пришел Абарид, умевший летать верхом на стреле (в Сибири подобные верования были весьма распространены)¹⁰⁸. Абарид мог почти обходиться без человеческой пищи, предсказывал землетрясения, был не подвержен эпидемиям и учил поклоняться своему северному богу, которого греки называли «гиперборейским Аполлоном».

Следы шаманизма и целые архетипические «блоки», корнями уходящие в шаманизм, до сих пор присутствуют в мировых религиях – в буддизме, христианстве, исламе. Традиционные формы шаманизма постепенно уступают место новым синкретическим религиозным образованиям. Наиболее ярко такой процесс наблюдался в Новом Свете: эклектический культ Высшего нисходящего Света Учения Санто-Дайме или Учителя Иринью, Церковь коренных американцев, афрохристианский гаитянский культ вудуизма (voodoo, vaudou), макумба, магическая религия, сходная с вуду и сочетающая в себе верования туземцев, африканцев и некоторые аспекты христианства. В настоящее время растет интерес к неошаманизму, который так или иначе связан с движением Нового Века (New Age) и Движением за Развитие Человеческого Потенциала.

В наши дни архаика и первобытная религиозность иногда искаженно толкуются как нечто «устаревшее», «вышедшее из употребления». Однако само происхождение слов «архаика» и «первобытный» указывает на «старшинство», «главенство», «ведущее положение», «первенство». И это не случайно. Архаика дала жизнь всем без исключения традиционным мировым и локальным религиям. Без мифов, легенд и архетипов древности не было бы никакой поздней «философской рефлексии». Времена архаического шаманизма – это времена доминирования «правополушарного» мышления – мифологического и интуитивного по своей сути. Это вовсе не означает, что «правополушарное» мышление более примитивно и менее достоверно. Просто оно другое. В начале *осевых времен* наметился рост активности левого полушария головного мозга. В какой-то момент левостороннее и правостороннее мышления пришли к состоянию баланса – и это было время единства и гармонии мировосприятия. Сокровищница древней мудрости получала в это время рациональное осмысление. Это было время рефлексии по поводу богатого наследия предков. Это были очень плодотворные времена. Однако впоследствии баланс сместился в сторону левостороннего мышления, достигнув своего пика в эпоху новоевропейского рационализма. Архаическая целостность уступила место механистическо-атомарной раздробленности.

Какой мы можем сделать вывод из сказанного выше? Шаманизм – явление духовной жизни человечества, охватывающий огромный период времени. Поэтому невозможно говорить о шаманизме вообще, не обращая внимания на его исторические особенности. Несмотря на то что существуют особые отличительные черты шаманизма, неизменные архаические константы, паттерны восприятия действительности, связанные, прежде всего, с особенностями человеческой психики, а также особые шаманские психотехники, архаические «техники экстаза», тем не менее шаманизм постоянно трансформируется и обновляется в пространственно-временном континууме. Не существует какого-то «классического», «догматического» шаманизма. Миф о «последних шаманах» – не более чем миф. Одни поколения шаманов сменяются другими, приобретая свои неповторимые черты. И это всегда следует учитывать при изучении такого духовного феномена человечества, каковым является шаманизм.

СПб., 2000.

¹⁰⁸ Там же. С. 208.

Маги, шаманы и колдуны

Первобытная, архаическая магия (вера в способность человека колдовским образом воздействовать на других людей, животных и природу) появилась приблизительно в период верхнего палеолита. Именно такую магию практикуют шаманы вплоть до наших дней. В отличие от шамана, связанного с общинным эгалитарным сознанием, маг-жрец – явление более позднего периода истории с городской (полисной) социально структурированной культурой (предполагающей наличие строго регламентированной иерархии).

Слово «маг» имеет персидское происхождение. Магами первоначально называли мидийское племя, из которого образовалась впоследствии жреческая каста у персов¹⁰⁹. В «Истории» Геродота магами называют жрецов¹¹⁰, служащих при дворе мидийского царя Астиага и персидского царя Ксеркса. Маги участвовали в ритуалах жертвоприношения (например, белых коней, которые были посвящены богу Митре), толковали сновидения и различные знамения (например, солнечное затмение). О пристрастии к жертвоприношениям Геродот пишет следующее: «Маги в значительной степени отличаются [одним своим обычаем] как от остальных людей, так особенно от египетских жрецов. Последние полагают свою обрядовую чистоту в том, что не убивают ни одного живого существа, кроме жертвенных животных. Маги же собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных»¹¹¹.

Маги были важными и влиятельными персонами с высоким социальным статусом. Функции магов были в основном аналогичными функциям греческих жрецов и прорицателей.

Со временем магия стала отождествляться не с общественно значимой жреческой деятельностью, а с частной тайной колдовской практикой маргинального характера. Если жрецы исполняли религиозные (то есть общественные) функции, то деятельность магов стала отождествляться с тайными ритуалами и заклинаниями в личных интересах. Во времена Гераклита Эфесского магами стали называть приверженцев различных тайных культов, наряду с вакханками, менадами и мистами (участниками экстатических дионисийских культов). «Кому прорицает Гераклит Эфесский? – восклицает Климент Александрийский. – Бродячим в ночи [магам], вакхантам, менадам, мистам. Это им он грозит посмертным воздаянием, им предвещая огонь, ибо „нечестиво они посвящаются в то, что считается таинствами у людей“»¹¹². Значительно позже, на рубеже III в. н. э., слово «маг» стало пониматься как «колдун». В целом древние греки называли магией совокупность обрядов, связанных с астрологией, гаданиями и медициной.

Безусловно, психотехники как шамана, так и мага (в значении «жрец») во многом схожи. Шаман также обращается к магической практике, занимается предсказаниями и служит своей общине. Со своей стороны, жрец прибегает к «техникам экстаза», свойственным шаманизму.

---

¹⁰⁹ Здесь мы можем усмотреть аналогию с ветхозаветными левитами. Первоначально левиты были одним из двенадцати племен Израиля. Это племя, или колено, восходило к Левии. Со временем левиты (точнее, одна ветвь левитов – Аарон и его потомки) стали потомственными священниками (жрецами) – служителями скинии, а впоследствии – Храма. Только они имели право совершать жертвоприношения. Остальные левитские семьи были в услужении у священников-жрецов.

¹¹⁰ Слово «священник» означает то же, что и «жрец», но имеет в русском языке более высокий смысл, поскольку жрец отождествляется со служителем языческих культов. Существует и еще одно отличие. Основная функция жреца – приносить кровавые жертвы Богу или богам. Однако согласно христианской традиции в принесении кровавых жертв Небесам нет никакого смысла. Иисус Христос принес себя в качестве добровольной жертвы на голгофском кресте за грехи всего мира. После крестной смерти не нужна и неуместна никакая новая жертва. Поэтому христианский священник участвует в совершенно ином жертвоприношении, а именно в Евхаристии, или Св. Причастии.

¹¹¹ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 56.

¹¹² Фрагменты ранних греческих философов. С. 240.

Кроме того, известны и такие исторические периоды, когда жрец и шаман сосуществовали в одном и том же обществе.

У полинезийцев рядом с вождями стояли особые жрецы. Таких профессиональных служителей культа выделяли в особую категорию, к которой относились жрецы *тохунга* или *кахуна* (буквально – ‘знающий человек’). Это были официальные жрецы, служители богов. Ко второй категории относились вольнопрактикующие специалисты, гадалы, предсказатели, колдуны и шаманы, не связанные с официальным культом. Их называли *таура* (*таула*, *каула*). Жрецы-таура пользовались в своей сакральной практике более архаичными техниками. Так, перед тем, как дать ответ на вопрос и вынести решение, таура вводили себя в состояние экстаза.

В Африке также существовала особая сакральная специализация и дифференциация. У большинства африканских народов официальные жрецы при храмах, отвечавшие за общественный и государственный культ, сосуществовали с «вольнопрактикующими» жрецами – знахарями, колдунами, гадалками, действовавшими по частным заказам¹¹³.

Расслоение «единого» шаманизма эгалитарных обществ на официальное культовое жречество и маргинальное шаманство в обществах классовых практически низвело шаманов до статуса «колдунов» и «деревенских лекарей». Функции жрецов со временем перешли к священникам культур-колонизаторов, а шаман превратился в знахаря-травника и «психотерапевта» этнических общин. Кроме того, с шаманом стал ассоциироваться образ зловредного колдуна (конечно, этот негативный образ формировался не без активного участия жрецов, а затем священников).

Так, например современные колдуны майя делятся на две группы – целителей и колдунов. На языке майя целители *ах-мен* соответствуют общему во всей испаноговорящей среде термину *курандеро*, а *ваай* – испанскому *брухо*, т. е. ‘зловредному колдуну’. *Ваай* могло означать следующее: «колдовство, предсказания, видения, вещий сон, колдун – семейный нагуаль, галлюцинация, фантазия, колдовские превращения»¹¹⁴. Майянский *ваай* соответствует атекскому *нагуаль*. Другое значение слова *нагу-аль* – тотемное животное-помощник (об этом мы расскажем подробнее в следующем разделе). Наконец, *нагуаль* может означать ‘особое видение’, или шаманское ясновидение¹¹⁵.

Трудность в определении различий таких понятий, как «маг» и «шаман», привносит также разнообразие и неоднозначность терминов, которыми обозначают представителей мира магии и шаманизма в русском языке¹¹⁶. Само слово «магия» в русский язык пришло лишь в XIX веке. В церковнославянском и древнерусском языках, в диалектах русского языка существовал чрезвычайно богатый запас слов для обозначения тех практик, которые можно отнести к сфере магии, гадания. В России существовало разделение на «натуральную» и «демоническую» практику волшебства. Правда, и та и другая были под запретом под страхом сожжения на костре.

У древних восточных славян существовали такие названия: облакопрогонители, жрецы, хранильники (те, кто делали обереги-талисманы), потворники (те, кто изготавливал зелья), кошунники (вначале так обозначились эпические сказители, а позднее – богохульники, свято-татцы), баяны (исполнители заклинаний). Значения слов были сильно искажены в период господства христианской церкви. Практически все обозначения «языческих профессий» приобрели негативную окраску.

Один из наиболее древних терминов, встречающихся в церковнославянской и древнерусской литературе, а также в летописях – волхв. Волхвами обозначали шаманов дохристиан-

¹¹³ Токарев С. А. Указ. соч. С. 151.

¹¹⁴ Еришова Г. Г. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М., 2000. С. 370.

¹¹⁵ Еришова Г. Г. Древняя Америка. С. 100.

¹¹⁶ Интересно в связи с этим вспомнить историю разделения на «черную» и «белую» магию. Невероятно, но такое разделение было принято на Западе, не говоря уже о России, лишь в XIX веке.

ских славян и их угро-финских соседей. Волхв – это шаман дохристианской, Киевской Руси. Именно волхвы подняли восстание против насаждаемой христианской религии и пали от мечей варяжских князей.

Слово «колдун» вошло в русский язык лишь в XVII веке. Отголоском шаманских корней может служить поверье, которое было распространено в России и Белоруссии, о том, что колдун перед смертью долго ищет того, кто захочет принять его магические знания или кому их можно передать помимо желания. Также известны другие обозначения. Слово «ведьма» (от индоарийского *ведать*, *знать*) в основном применялось к практиковавшим магию женщинам. Знахарь (знахарка) – пожалуй, наиболее нейтральное слово. Знахарь – «тот, кто знает», человек, занимающийся народной медициной и толкованием сновидений. Он нашептывает молитвы – «белые» заговоры. Вместе с этим он не призывает злых духов, хотя при желании тоже может наслать порчу. Поскольку знахарь нашептывал заговоры над тем, что потом будет использовать его пациент (вода, масло, хлеб, соль, чай), его еще называли «шептуном», а глагол «шептать» имел значение ‘произносить заговор’. Знахарь мог определить отраву, распознать колдовство, найти воров или врагов, обезвредить порчу и сглаз. О знахарях рассказывали как об обладателях экстрасенсорных способностей, например – способности слышать на большом расстоянии. Другое обозначение знахаря – *зелейник* – от слова «зелье» (целебная трава, магическое снадобье, которое они готовили). Знахарки также могли быть и деревенскими повитухами¹¹⁷.

Главное различие между шаманом и колдуном состоит в том, что шаманы осуществляют действия колдовства (нанесения вреда) и целительства посредством прямого контакта с духами. Этот контакт осуществляется в состоянии транса (который может быть вызван приемом психоактивных растений, ритмичного боя в бубен и другими техниками экстаза).

Колдуны наносят вред и исцеляют, имея иные взаимоотношения с духами. А медиум, хотя и вступает в тесную связь с духами, не отправляется за ответами и помощью в их миры так, как это делают шаманы во время камлания, а как бы предоставляет свое тело для того, чтобы духи могли передавать информацию или, например, исцелять больных.

2006.

«Разница между колдуном и шаманом, – писал И. А. Худяков (революционер, сосланный на вечное поселение в Верхоянск), – та, что колдун действует слюной и заговором, а шаман – дьяволом; колдовство есть учение, которому каждый учится по собственному своему желанию; шаманом же может быть только человек, избранный Богом или дьяволом»¹¹⁸.

Если оставить за скобками религиозную оценочность данного пассажа Худякова, мысль его в религиозноведческом аспекте верна. Шаман, в отличие от колдуна, в обязательном порядке – избранник духов, прошедший особую инициацию. Колдун в большей степени принадлежит себе самому, даже если у него есть связь с миром духов и заключен с ними тайный договор.

---

¹¹⁷ Райн В.Ф. Бани в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М.,

¹¹⁸ Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.

Шаманские миры

Мир архаического шамана имеет трехчастное деление – Верхний мир, Серединный, или Средний, мир, и Нижний мир. Средний мир воспринимался первобытным человеком как «однослойный», тогда как Верхний и Нижний миры мыслились как состоящие из трех и более слоев (миров, измерений). В центре всех трех миров, верили первобытные люди, находится Центральная точка – середина мира, сквозь нее проходит Ось Мира (мировое древо, мировой столп, мировая гора, мировая река), которая соединяет все три мира.

Мировая Ось может осознаваться как в вертикальной, так и в горизонтальной перспективе. Горизонтальная ось соответствует мировой реке (обычно исток рек символизирует Верхний мир, а низовья – Нижний). Нередко в одной и той же мифологической картине мира объединяются как вертикальная, так и горизонтальная ориентация миров.

Верхний мир для шамана – источник различных благ, силы, здоровья, плодородия. Как правило, на путешествиях в Верхний мир специализируются белые шаманы (например, у народов Сибири, таких как якуты, буряты, тувинцы, алтайцы, эвенки и нанайцы). Нижний мир – прерогатива черных шаманов. Нужно особо подчеркнуть, что черный шаман вовсе не ассоциировался в сознании архаического человека со злым колдуном. Черные шаманы совершали ритуалы и жертвоприношения, связанные с божествами и духами Нижнего мира. Черные шаманы были по преимуществу целителями, поскольку знали духов болезней в лицо. Лишь немногие особо сильные шаманы («большие шаманы») могли совмещать ритуалы божествам Верхнего и Нижнего миров.

Шаманское трехчастное деление мира так же наглядно, как наглядна сама Живая Природа. Бескрайнее небо над головой – это мир божеств, крылатых духов и птиц. Птиц мы видим, а духов ощущаем... ну или воображаем, что ощущаем, или верим в их существование. Это и есть Верхний мир.

В центре мира находится гигантское дерево и (или) гора. Возможно, что в этом веровании отразилась генетическая память первых приматов, обитавших на деревьях. Интересно, что шаман действительно может видеть это дерево, и более того – по положению ветвей этого дерева шаман узнает о том, какая предстоит погода, что ожидает устроителей камлания, будет ли удача в делах, прибыль в скоте, благополучие и здоровье семьи¹¹⁹.

Вход в Верхний мир может осуществляться, к примеру, через Полярную звезду. У народов Сибири считалось, что сквозь нее шаман может попасть в Верхний мир. Такое почтительное отношение к этой звезде легко объяснимо. Полярная звезда находится менее чем в одном градусе от Северного полюса мира, поэтому она практически неподвижна при суточном вращении звездного неба. Она очень удобна для ориентирования ночью – направление на нее совпадает с направлением на север. Верхний мир – это мир Небес, который населяют божества – хозяева природных стихий, герои-шаманы, богатыри и разные небожители, повелевающие миром. В Верхнем мире также обитает творец людей.

Мир человека и животных – это Средний мир. Средний мир – это дом человека, животных и разных духов – хозяев леса, гор, воды, домашнего очага, огня. От расположения духов, хозяев лесных обитателей, как полагали первобытные люди, зависел успех в охоте. Хозяин Леса, верили они, посылал добычу охотнику, а Хозяин воды – рыбу.

Духи оказывают на каждодневную жизнь человека как положительное, так и отрицательное влияние. Средний мир также населен разного рода духами болезней. Некоторые из них охотятся за душами людей, их жизненной силой, так же как человек охотится на лесных зверей.

---

¹¹⁹ Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы по алтайскому шаманизму) // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 162.

А если мы посмотрим под ноги, то увидим, как из воды выпрыгнет лягушка, проползет мимо змея, юркнет под камень ящерица. Это Нижний мир. Локализация Нижнего мира, обитель хтонических сил, зависит от региональных особенностей ландшафта. Если речь идет о прибрежных районах, то Нижний мир может располагаться в подводном царстве (в океане, реке или озере). В этом случае хтонический мир может отождествляться с подводным миром, а проводниками в такие миры, как правило, выступают зооморфные духи в образе рыб и змей. Отголоском таких представлений о духах-помощниках в виде рыб может, например, служить сказочный образ щуки или золотой рыбки из русских народных сказок.

Если недалеко от жилища шамана будет озеро, река, море или океан, то, скорее всего, Нижний мир будет локализован именно там. Если человек обитает рядом с пещерами или расщелинами в земле, то Нижний мир может восприниматься как находящийся под землей, а пещеры и расщелины будут служить входом в этот «потусторонний» мир. В античные времена Нижний мир стал отождествляться с «царством мертвых», а места почитания Аида локализовались у входа в глубокие пещеры и расщелины в земле. Тем не менее «царство мертвых» по-прежнему ассоциировалось с подателем земных благ.

Как однажды сказал мне один эквадорский шаман, вход в тот или иной мир лежит здесь, в этом мире. В горах существует вход в мир обитателей этих гор, в водоемах живут свои *доньи* и *доны* (хозяева местности), в лесах – свои хозяева и хозяйки. Поскольку в окружающей эквадорского шамана действительности нет пещер, то, как он сказал, с миром подземных духов он дела не имеет (вероятно, это также отражает христианизацию сознания современных эквадорских шаманов и влияние миссионеров). С этими духами связаны те шаманы, на территории которых такие входы в подземный мир имеются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.